

-
- [игумен Герман \(Осецкий\)](#)
 - [Часть I. Подвиги предуготовительные](#)
 - [Степень I](#)
 - [Степень II](#)
 - [Степень III](#)
 - [Степень IV](#)
 - [Степень V](#)
 - [Степень VI](#)
 - [Степень VII](#)
 - [Часть II. Подвиги самоочищения от нечистоты греховной жизни, или подвиги совлечения ветхого человека](#)
 - [Подвиги против пороков сердца](#)
 - [Степень VIII](#)
 - [Степень IX](#)
 - [Подвиги против пороков языка](#)
 - [Степень X](#)
 - [Степень XI](#)
 - [Степень XII](#)
 - [Подвиги против пороков чрева, или похоти плотской](#)
 - [Степень XIII](#)
 - [Степень XIV](#)
 - [Степень XV](#)
 - [Подвиги против пороков похоти очес](#)
 - [Степени XVI и XVII](#)
 - [Подвиги против пороков духовных](#)
 - [Степень XVIII](#)
 - [Степени XIX и XX](#)
 - [Степень XXI](#)
 - [Степень XXII](#)
 - [Степень XXIII](#)
 - [Часть III. Подвиги обновления духа](#)
 - [Обновление сердца](#)
 - [Степени XXIV и XXV](#)
 - [Обновление ума](#)
 - [Степени XXVI, XXVII и XXVIII](#)
 - [Обновление воли](#)
 - [Степень XXIX](#)
 - [Степень XXX](#)
 - [Приложение Что необходимо для спасения? Из записок в Бозе почившего афонского иеромонаха Арсения](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

Введение

Содержание

[Об авторе](#)

[Предисловие](#)

[Черты жизни преподобного Иоанна Лествичника](#)

[Лествица преподобного Иоанна Лествичника](#)

Об авторе

ИГУМЕН ГЕРМАН (ОСЕЦКИЙ) – выпускник Санкт-Петербургской духовной Академии, 1851 года;

с 1853 по 1857 гг. – инспектор Новгородской семинарии;

с 1857 г. – ректор Кавказской семинарии;
с 1859 г. – ректор Самарской семинарии;
с 1863 г. – архимандрит, наместник Александро-Невской лавры;
с 1867 г. – епископ Сумской;
с 1872 по 1886 гг. – епископ Кавказский и Екатеринославский.

Предисловие

Преподобный [Иоанн Лествичник](#), игумен горы Синайской — один из тех великих Угодников Божиих, память которых особенно прославляется [Церковью](#) и которых она преимущественно указывает своим чадам, как учителей духовной жизни.

В святые дни Четыредесятницы, когда христиане особенно обязаны заняться делом своего нравственного очищения и освящения, Святая [Церковь](#) нашла благопотребным и полезным предложить им для руководства в подвигах добродетели Лествицу преподобного Иоанна ¹, а в качестве образца представить его самого, как живую лестницу добродетелей².

Поэтому и долг, и польза каждого православного христианина, ревнующего о благочестивой жизни, а кто не должен ревновать о ней! требуют от него ближайшего знакомства с жизнью Преподобного и вслед за тем внимательного изучения его назидательной книги. Если предлагаемое сочинение поможет кому-либо в таком занятии или, по крайней мере, расположит к нему, то цель этого труда будет достигнута.

Лествица плохо понимается мирянами и даже монахами; для разъяснения ее и написана эта книга.

Черты жизни преподобного Иоанна Лествичника

Надо сознаться, что исторических сведений о святом игумене Синайском дошло до нас крайне мало³. Впрочем, для нашей цели достаточно и этих немногих известий. Наше намерение – представить преподобного Иоанна как образец подвижничества, «чтобы глядя, как говорится в предисловии к его творению, на труды сего создателя духовной и божественной лестницы, мы поверили написанному им». Постараемся по возможности изобразить жизнь Святого не столько внешнюю, сколько внутреннюю, – как возрастание, укрепление и усовершенствование сокровенного сердца человека.

Путеводитель на небо пришел как бы с неба, потому что на земле никто не указывает места его происхождения. Оно неизвестно было даже современному жизнеописателю, близкому к нему и по месту жительства, и по образу жизни⁴. Занятия, которым Преподобный предавался, и благочестивые чувства, которые он обнаружил, избрав для себя с самых ранних лет жизнь отшельническую, а также прозвание схластика⁵, которое он получил за свои познания, наконец, его чудная Лествица – все это показывает, что он получил прекрасное воспитание, и при этом – христианское. А это заставляет предполагать, что он имел с самого рождения верное направление ума и происходил от родителей не низкого сословия и благочестивых ⁶. Еще в шестнадцать лет св. Иоанн оставил мир и решил, так сказать, похоронить себя в безмолвии пустыни. Для этого он избрал пустыню Синайской горы. Отшельники ее издавна отличались самой суровой жизнью, самым строгим подвижничеством⁷. Однако подвиги их не только не устрасили юного Иоанна, но еще более одушевили его решимость. Рассматривая его жизнь от

восшествия на Синай до восшествия на небо, замечаем три явно различные между собой степени его восхождения, сообразные с тремя возрастами духовной жизни: прежде всего он восходил под руководством духовного отца, потом один без постороннего руководства, и, наконец, не только восходил, но и возводил других.

Направив ко Господу путь свой, преподобный Иоанн прежде всего начал искать и нашел себе опытного руководителя в подвигах благочестия в лице некоторого Мартирия, долго шествовавшего путем Божиим и бывшего недалеко от врат неба. Своему наставнику и пестуну о Господе он совершенно и всецело вверил себя, как дитя вверяется своей матери.

К этому времени его духовного восхождения преимущественно относятся первые степени его Лествицы, по которым он начал восходить под руководством своего отца, каковы: отвержение мирской жизни, отложение житейских попечений и уклонение от мира, особенно же послушание. Еще не дав решительного обета отречения от мира и мирской жизни, он успел совершенно отрешить от них свою душу и свое сердце. Еще будучи послушником, св.Иоанн являл такую ревность к благочестию, которую редко можно найти в подвижниках столь раннего возраста. «Он,- говорит Даниил Раифский, его жизнеописатель, – смотря на святую гору, устремлял гор`е свой ум и возносил его к Богу невидимому. Предприняв бегство от мира, как средство к укрощению страстей юности, он стяжал смирение самое глубокое, заключил навсегда доступ к своему сердцу демону суетной славы и суетной надежды на свои силы»⁸.

Что касается его послушания, его преданности своему духовному отцу Мартирию, то и в этом отношении он явил для нас собою высокий образец. По свидетельству того же жизнеописателя, Иоанн отдал всю свою душу в полное управление своего наставника, вполне подчинился его руководству. Он до такой степени сделался как бы мертвым для своих собственных склонностей, что, казалось, его душа не имела ни собственного ума, ни собственной воли.

Таким образом, св. Иоанн начал с того, с чего должен начать всякий, вступающий на путь Божий. «Исшедшие из Египта, – говорит Преподобный, – имели вождем Моисея, а убежавшие из Содомы – Ангела. Так и желающие выйти из духовного Египта и избежать мысленного фараона, имеют нужду в некоем Моисее, в ходатае к Богу, который воздевал бы о них к Богу свои руки, чтоб они перешли греховное море и обратили в бегство духовного Амалика. Дитя, не имеющее сил подняться на гору, на руках отца может достигнуть самой вершины ее».

Зато, когда после четырехлетнего искуса св. Иоанн принял невозвратно обет иноческий, прозорливые святые мужи предрекли, что ему суждено стать не только великим подвижником, но и руководителем подвижников. Один весьма благочестивый игумен по имени Стратегий, присутствовавший при самом обряде пострижения преподобного Иоанна, по внушению свыше предсказал, что новопостриженный будет одним из великих светил в мире.

Святой Иоанн продолжал оставаться в послушании у своего руководителя, и тот, видя его необычайное преуспеяние в добродетелях и духовном разуме, решил сводить его к одному из величайших отшельников этой пустыни по имени Анастасию. Увидев св. Иоанна Лествичника, Анастасий спросил у Мартирия, кто постригал его, т.е. кто принимал от него обеты иноческие. Когда Мартирий ответил, что он сам постригал своего послушника, Анастасий возразил с удивлением: «Кто подумал бы, отец мой, что ты посвятил Богу будущего игумена Синайской горы?»

После этих двух предсказаний, последовавших одно за другим, Мартирий, желая, без сомнения, испытать, не откроется ли Дух Божий устами еще одного знаменитого отшельника, Иоанна, прозванного Савваитом⁹, повел св. Иоанна в пустыню Гудде, где пребывал Савваит. Этот великий отшельник умыл Лествичнику ноги прежде, чем его духовному отцу, и даже поцеловал ему руку. Стефан, ученик Иоанна Савваита, удивленный таким предпочтением,

попросил у своего старца объяснения. Отшельник ответил, что он принял в этом молодом иноке будущего игумена Синайского.

Девятнадцать лет упражнялся св. Иоанн с удивительным смирением в подвиге послушания, когда [Бог](#) призвал к Себе его духовного отца. Тогда он возымел намерение посвятить себя жизни отшельнической (уединенной), к которой приготовил себя долгим трудом преуспевания в молитве. Но, не доверяя еще своим собственным познаниям, хотя и имел их так много, что мог наставлять других, он предварительно хотел посоветоваться с одним святым старцем, Георгием Арселаитом¹⁰, который и одобрил его намерение. Тогда святой Иоанн оставил гору и удалился в пустыню, которая находилась в углублении долины и называлась Фола.

Сорок лет подвизался преподобный Иоанн в своем новом убежище, проводя здесь жизнь совершенно ангелоподобную. И кто может изобразить все степени его восхождения, какие полагал он в сердце своем в продолжение этой необыкновенной сорокалетицы лет! Вообще, степени восхождения его в это время суть степени той самой духовной лестницы, которую описал он для нас в творениях своих. Она есть откровение его собственного сокровенного шествия к богоподражательному бесстрастию, которое с ясностью и силою опытности изобразил он на предпоследней степени своей Лестницы.

Он стяжал глубокий дух покаяния, который заставлял его непрестанно проливать потоки слез. «Какое место, — говорит его жизнеописатель, — дам я в венце его добродетелей тому источнику слез, который был в нем и который есть благодать редкая, дарованная столь немногим пустынножителям?»¹¹ Он любил проливать слезы втайне, и, так как келия его была недалеко от келий других иноков, которые могли слышать его, то он уходил оттуда в одну удаленную пещеру, находящуюся у подошвы горы Синайской. Здесь-то он возносил к небу свои вздохи, рыдания и вопли с силою, с какой вопиют люди, которых или режут оружием, или жгут огнем, или у которых вырывают глаза. Долго и после блаженной кончины Преподобного показывали это сокровенное место его подвигов, которое называли слезоточным. Эти святые слезы производили в его душе чудные последствия, как можно заключать из его собственных слов. И «как вещественный огонь жжет и уничтожает солому, точно также духовный огонь этих чистых слез в имеющих у себя источник их жжет и уничтожает все нечистоты видимые и невидимые»¹². И еще: «Те, которые получили дар слез, проводят каждый день своей жизни в духовном празднестве, и их печаль заключает в себе утешение и облегчение так же неизбежно, как воск в соте заключает в себе мед»¹³.

О воздержании Преподобного можно судить по следующему его признанию, которое он делает в одном месте своей Лестницы. «Когда я был еще молод, то отправившись в один город или селение, я едва успел сесть за стол, как вдруг напали на меня помыслы объедения и тщеславия. Но опасаясь тех гибельных следствий, какие влечет за собой несчастная страсть объедения, я рассудил лучше быть побежденным тщеславием, зная, что в юных бес объедения весьма часто побеждает беса тщеславия»¹⁴. Впрочем Преподобный действовал во всем осторожно, избегая крайностей, опасных для души. Его жизнеописатель замечает, что «он не иначе отходил ко сну, как после продолжительной молитвы, однако же и не изнурял себя неумеренными бодрствованиями»¹⁵.

Точно так же благоразумно поступал он и в отношении к пище: принимал без различия все, что только могли позволить ему его монашеские обеты, но всегда в самом малом количестве и только для поддержания тела.

Такое расположение души изгнало из ума его всякую другую заботу и всякое другое занятие, кроме дел угождения Богу. Кажется, преподобный Иоанн описывает себя самого, — хотя и старается уничижить себя во многих местах своей книги, — когда приписывает

анакхоретам три частные добродетели, каковы: оставление всех забот о делах мира, постоянная молитва и бдение, делающее сердце недоступным для демонов. Бодрствование святого над малейшими движениями сердца не оставляло никакого доступа к нему духам тьмы. Его ум и сердце, очищенные от всякой привязанности к земле, пользовались полной свободой возноситься к Богу в непрестанной молитве. И велика была сила его всегда горячей, святой молитвы.

Однажды св. Иоанн приказал Моисею, своему ученику, сходить достать в известном месте хорошей земли и перенести в свой маленький сад для того, чтобы лучше росли травы. Моисей отправился и исполнил приказание. Но, утомившись от чрезмерного жара августовского полуденного солнца, решил немного отдохнуть в углублении большого утеса, тень которого могла освежить его, и заснул здесь. В это самое время святой, занятый в своей келье, по обыкновению, богомыслием, склонился к легкой дремоте. Ему представилось, будто он видит человека почтенного вида, который будил его и упрекал в том, что он предается покою в то время, как ученик его Моисей подвергается опасности потерять жизнь. Преподобный тотчас же пробудился и начал молиться за своего ученика. Когда последний возвратился, Иоанн спросил его, не случилось ли с ним чего-нибудь. «Я подвергся опасности, – отвечал Моисей, – быть раздавленным утесом, под которым спал крепким сном. К счастью, мне представилось, что ты зовешь меня, я тотчас же бросился с этого места в смущении и страхе и едва отошел от него, как на моих глазах утес оторвался и упал на оставленное мной место».

В другой раз [Бог](#) благоволил показать для прославления раба своего, что его [МОЛИТВЫ](#) действительны как для сохранения временной телесной жизни, так и для облегчения душ, обуреваемых искушениями. Один пустынный по имени Исаак, был так много тревожим злыми помыслами, что они едва не доводили его до отчаяния. Раз они так устремились на него, что он весь в слезах поспешил укрыться от них, прибегнув к помощи св. Иоанна как защитника от преследовавшего его врага. Блаженный Иоанн, тронутый его верой и смирением, сказал ему: «Будем оба молиться, брат мой. Благий и милосердый Бог не презрит нашей молитвы». Духовно больной тотчас же пал на землю и стал молиться с ним. Еще не кончили они своей молитвы, как пришедший брат почувствовал себя совсем переродившимся. Совершенный мир заступил место мучившего его прежде волнения. Он почувствовал, что искушение рассеяно, не мог довольно надивиться этому чуду, которое изменило его скорбное состояние, и воздал благодарение Господу, избавившему его от искушения молитвами блаженного Иоанна¹⁶.

От этого дара столь совершенной [МОЛИТВЫ](#) происходила в нем та сильная любовь к пустыне и молчанию, которая заставляла его скрываться, насколько было возможно, от глаз людей, и молчать, – при том, что он мог так назидать других, будучи осиян благодатию Духа, обладая глубоким знанием Слова Божия, изучив писания многих Святых Отцов и сочинения подвижнические, будучи знаком даже с сочинениями еретиков, которые прочитывал, чтобы лучше опровергать их Писанием и Преданием Отцов.

Однажды только, для большего назидания себя живым примером славных египетских подвижников, он оставил свою келью и решил посетить египетские пустыни. Этому путешествию мы обязаны назидательными рассказами, которые находим в его Лестнице: об иноках и особенно о монастыре, называемом «Темница»¹⁷.

В это же, может быть, время из пустынь египетских он проник и в пустыню Скитскую и в монастыри Тавенны, о которых также говорит в своем сочинении¹⁸, хотя мы не знаем точно, когда он предпринимал эти благочестивые путешествия. Как бы то ни было, за исключением этих путешествий, он никогда не оставлял своей кельи в Фоле. Но Господу было угодно явить миру так долго скрываемое сокровище, открыть светильник, так долго таящийся под спудом, – для того, чтобы поставить его на свещнике.

Бог благоволил сделать его известным нескольким жившим вблизи лицам, которые приходили к нему советоваться в сомнительных случаях. Советы, полученные ими, были столь основательны и спасительны, что во всякое время стали приходить к нему посетители, побуждаемые молвою о нем.

Слава его распространилась и за пределы пустыни Синайской, привлекая к нему мирских людей всех состояний ¹⁹, которые приходили просить у него наставлений в жизни. Замечателен в этом случае один из собственных его рассказов.

Однажды пришли к нему миряне, мало заботившиеся о своем спасении и оправдывающие свою порочность и нерадение такими словами: «Каким образом можно проводить жизнь подвижническую нам – людям женатым и отягощенным общественными обязанностями, которые опутывают нас подобно сетям?». «Я, – говорит св. Иоанн, отвечал им так: «Делайте добрые дела, какие можете, не отзывайтесь ни о ком в оскорбительных выражениях, не крадите, не обольщайте никого ложью, ни против кого не восставайте с дерзостью, не питайте ни к кому ненависти, не пропускайте церковных Богослужений, имейте любовь и сострадание к бедным, не подавайте никому повода к соблазну, храните супружескую верность. Если будете поступать таким образом, то не будете далеки от царствия небесного» ²⁰. Так этот муж, просвещенный Духом Божиим, предписывал правила спасения всякому, исходя из его положения, не требуя ни от кого подвигов выше сил и возможности.

Столь обильные плоды добродетелей заслуживали со стороны братьев св.Иоанна больше удивления, чем зависти. Но дьявол, желая воспрепятствовать тому добру, которое приносили святые наставления человека Божия внимавшей ему братии, искусил некоторых пустынников злобной завистью, и те имели несчастье поддаться искушению. Вместо того, чтобы самим прибегнуть к столь полезному и назидательному учению, они стали осуждать св. Иоанна как человека, который, будучи пустынником, нарушал законы молчания. Святой, еще более руководимый всегда свойственным ему духом опытности и смирения, не желая раздражать завидовавших, рассудил лучше уступить клеветникам, хотя некоторые братья и должны были лишиться его наставлений. Он объявил посещавшим его, что не хочет более говорить ни с кем, и заключил в своей келье сокровища, которые расточал до сих пор в духе любви. Самому ему любезно было молчание, но лица, доведшие его до молчания своими клеветами, вынуждены были, наконец, сами соединиться с другими братьями, чтобы побудить его снова раскрыть златословесные уста, из которых текли небесные речи. Их поразило смирение св. Иоанна. Сознавшись, что они своей завистью лишили своих собратий многих благ и в отношении к Преподобному поступили несправедливо, они вместе с прочими умоляли угодника Божия не лишать их более своих спасительных наставлений. Блаженный Иоанн, всегда уступавший другим, скоро склонился на их просьбы и с любовью возвратился к своему прежнему образу жизни.

Наконец, пришло время исполниться проречениям отшельников Анастасия и Иоанна Савваита, о которых мы упомянули выше. «Так как блаженный Иоанн, – говорит его жизнеописатель Даниил, – обладал всеми добродетелями преимущественно пред прочими братьями и заслужил всеобщее почитание, то его, как нового Моисея, братия единодушно избрали своим руководителем в жизни духовной. Несмотря на все его отговорки и сопротивление, они поставили его на должность начальника Синайского и, извлеки этот светильник из-под спуда, под которым он скрывался, поставили его на свещнике, да светит всем, находящимся в этом доме»²¹.

Со времени смерти блаженного старца Мартирия, под начальством которого в продолжение девятнадцати лет упражнялся св. Иоанн в подвигах смиренного послушания, до времени его избрания игуменом прошло уже сорок лет. Если прибавим к этому шестнадцать

лет, проведенные св. Иоанном до жизни иноческой, то увидим, что ему было семьдесят пять лет, когда поручили ему управление пустынноиками синайскими. В таких преклонных летах новая должность могла быть для него тяжким бременем, но Бог, явивший благодать Своего призвания в день пострижения преподобного Иоанна, благоволил утвердить и избрание его в должности игумена новым знамением, показавшим, как это избрание было Ему угодно.

Другой жизнеописатель св. Иоанна, синайский инок, бывший очевидцем этого происшествия, рассказывает следующее: «Как только св. [Иоанн Лествичник](#) сделался нашим начальником и игуменом, собралось в монастырь множество гостей. Когда они сели за стол, то все видели, как неизвестный распорядитель, одетый по древнееврейскому обычаю, входил и выходил из трапезы и отдавал нужные приказания всем бывшим на кухне и в других местах для того, чтобы угостить надлежащим образом посетителей. С удалением последних, когда служившие им сели за стол, везде искали этого распорядителя, так много трудившегося для приведения всего в порядок, чтобы пригласить его разделить братскую трапезу. Но сколько они ни искали, не нашли нигде. Тогда слуга Божий, наш почтенный отец Иоанн, сказал нам: «Перестаньте искать. Нет ничего странного и удивительного, если Господь и Владыка Моисея Сам благоволил устроить все нужное для того, чтобы явить гостеприимство в том месте, которое принадлежит Ему и посвящено Ему преимущественно» ²².

Тот же жизнеописатель рассказывает еще, что когда в Палестине была сильная засуха, жители этой области во множестве собрались к св. Иоанну и умоляли его выпросить им у Бога обильный дождь, в котором они имели нужду. Преподобный Иоанн помолился, и Бог внял ему, оправдав слова царственного Пророка, что Он исполняет волю боящихся Его и служащих ему и внемлет мольбам их ²³.

Преподобный Иоанн, поставленный руководителем других, начал путь нового восхождения к Богу и еще большего приближения к небу. По словам преждеупомянутого Даниила, он, взойдя на гору Синай, подобно Моисею, проник в неприступное облако посредством духовного созерцания, возвысился к Богу и получил Божественный закон, т.е. правила поведения, которые должен был соблюдать, отверз свои уста для принятия слов истины и жизни, привлек к себе Дух ([Пс. 108:31](#)) и, наполнившись света благодати, извлек из богатой сокровищницы сердца своего те драгоценные богатства учения, которые расточал на души с обилием и чудным помазанием ²⁴.

Среди писем св. [Григория Двоеслова](#) есть одно, адресованное Иоанну, игумену Синайскому. Этот игумен Иоанн, конечно, не кто иной, как сам Лествичник. В своем письме великий папа, сохранявший в своем высоком сане глубокое смирение, поручает себя молитвам св. Иоанна, указывая на то, что иноки, имеющие счастье жить в уединении, должны молиться за тех, которые, подобно ему, принуждены выдерживать мирскую стихию. В то же время св. Григорий указывает на три главные добродетели начальника, желая преподобному Иоанну, чтобы Господь послал ему благодать привлечь своими молитвами благословение неба на вверенное ему словесное стадо, воодушевить это стадо к добродетели своими словами и напоминаниями и подать ему пример истинной святости собственной жизнью.

Свидетельством того, что св. Иоанн стяжал, кроме других, и эти названные св. Григорием добродетели, является его назидательное для всех христиан сочинение.

Господу угодно было, чтобы воды богомудрого учения преподобного Иоанна напояли не одну пустыню Синайскую, но проникли и в пустыню Раифскую, а потом оросили и всю Церковь, – проводником их была Лествица.

В то время Раифским монастырем управлял великий подвижник тоже по имени Иоанн, как и преподобный Лествичник. Понятие, какое имел этот Раифский игумен о дарованиях св. Лествичника и его глубокой мудрости в деле управления душ, побудило его обратиться к св. Иоанну. Как от собственного имени, так и от имени всех иноков, Раифский игумен просил

Преподобного написать о том, что Дух Святой внушит ему о подвижнической жизни, и поделиться с другими приобретенной им духовной опытностью.

В письме своем игумен Раифский обращается к игумену Синайскому как к человеку, равному Ангелам, как к общему отцу отцов пустыни, как к учителю, способному наставлять других учителей. Далее он умоляет святого Иоанна, упоминая и постоянное, беспрекословное его послушание, и высокий талант, данный ему от Бога, и, наконец, вопиющую нужду иноков: письменно изложить истины, которые Бог открыл ему во время его небесных созерцаний на той самой горе, на которой являлся некогда Моисею. «Мы примем их, – говорит игумен, – как новые скрижали, которые Бог пошлет нам через тебя, как новым и духовным Израильтянам, вышедшим из сует мира, как из бездн Чермного моря. Поскольку ты, – прибавляет он, – совершил словом твоим так много дивных действий, как некогда Моисей сотворил много чудес своим жезлом, и так как ты – великий руководитель и первый начальник воспринявших ангельскую жизнь, – не отвергай усиленной просьбы нашей – изложить на письме главные обязанности нашего состояния. Мы питаем твердую надежду, что по твоей ревности, ты подаришь нам прекрасное сочинение. Мы примем с необыкновенной радостью твои правила, которые будут для нас святою лестницею, возводящею ко вратам неба, посредством которой желающие восходить взойдут невозбранно, не будучи остановлены духами тьмы.»²⁵

Блаженный Иоанн имел столь скромное понятие о самом себе, что это письмо смутило его. И если он решился, наконец, исполнить это желание и просьбу, то единственно по духу послушания, которое заставляло его смотреть на игумена Раифского, как на своего начальника в духовной жизни и подвигах иноческих, и покоряться его желаниям как приказаниям старшего.

«Когда я получил, – писал он к этому игумену, — письмо, которым ты почтил меня, или лучше, повеление, которого удостоил меня, и которое выше сил бедного и лишенного добродетелей грешника, подобного мне, я нашел его весьма приличным святости твоей жизни и глубокому смирению твоего сердца. Тебе следовало бы лучше обратиться к совершенно сведущим, к учителям в жизни духовной, а не ко мне, стоящему в ряду учеников. Но так как самые отличные по учению и святости отцы научили нас, что послушание состоит в безусловном повиновении даже в таких вещах, которые выше сил наших, то эта мысль заставила меня забыть собственную слабость и решиться со смирением на дело, превышающее мои силы. Впрочем, не для тебя назначаю я свое сочинение, избави меня Бог от этого! Я знаю, сколь ты способен, по благодати Иисуса Христа, наставлять всех нас. Нет, я назначаю его для того блаженного общества, которое Бог избрал в служение Себе, и которое вместе с нами получает от тебя наставления, каких должно ожидать от человека, просвещенного подобно тебе. Надеюсь на молитвы твои, которые, подобно духовным рукам, помогут мне нести тяжесть собственных несовершенств, я как бы расставил паруса под ветер, взявшись за перо, и оставил Иисусу Христу, сему небесному Кормчему, кормило судна и управление всем тем, что будет сказано мною по твоему повелению и с помощью твоих молитв»²⁶.

Вслед за тем появилось это прекрасное творение, которое скоро сделало св.Лествичника знаменитым сначала среди греков, а потом и во всей Христианской Церкви.

Посылая свое сочинение к игумену Раифскому, святой Иоанн Лествичник говорит, что не имеет такой дерзости, чтобы назначать свое сочинение для игумена, а написал его исключительно для прочих иноков. Но все же он составил небольшой трактат и для самого игумена под заглавием «Слово к пастырю», по всей вероятности, покорившись настойчивым просьбам того же Иоанна Раифского. Это сочинение говорит об обязанностях лиц, управляющих нравственной жизнью и совестью других. Таким образом, восходя выше и выше по степеням духовных совершенств, преподобный Иоанн Лествичник из благого сокровища своего сердца вынес слово назидания и для самих путеводителей к небу, сделался

руководителем самых руководителей.

Кажется, св. Иоанн Лествичник, окончив свое сочинение, жил недолго. Синайским монастырем он управлял не более четырех лет, после чего решил оставить его и возвратиться в свою любимую пустыню (Фола). Он возвратился в нее с прежней охотой и склонностью к уединенной жизни. Оставляя начальство над монастырем, он поставил на это место своего брата по имени Георгий, который, впрочем, вскоре после преставления св. Иоанна также переселился на небо. Когда блаженный Иоанн, в возрасте восьмидесяти лет, приближался к своему последнему часу, пришел навестить его брат и весь в слезах сказал ему: «Так ты оставляешь меня, брат, без помощи и защиты? Просил я Бога, чтобы ты послал меня к Нему – думают, что св. Иоанн был его старшим братом – прежде, чем сам пойдешь; потому что без тебя я не могу управлять этим святым обществом, и мне страшно видеть, что ты отправляешься прежде меня!» св. Иоанн ободрил его и утешил. «Не скорби, брат, – сказал он ему, – если только я могу сделать что-нибудь пред Богом, то привлеку тебя к себе раньше, чем через год». Это исполнилось на самом деле, так как игумен Георгий умер спустя десять месяцев после своего брата. Полагают, что святой Иоанн Лествичник умер в 605 году или никак не позже следующего года. День кончины его празднуется 30 марта.

Лествица преподобного Иоанна Лествичника

Лествица написана преподобным Иоанном Лествичником, как мы видели в жизнеописании его, по просьбе преподобного Иоанна Раифского – изложить главные обязанности монашеского звания, дать руководство инокам, по которому бы они могли благоустроить свою жизнь, шествуя благонадежнейшим путем к высшему совершенству. В своей книге преподобный Иоанн Лествичник, действительно, изложил все полезное инокам, раскрыл все главнейшие подвиги, какие они должны пройти и совершить.

Порядок, в каком представлен круг иноческих обязанностей в Лествице, имеет глубокое значение. В духовной жизни очень важно знать, с чего начать и как повести дело своего исправления и спасения. От незнания этого часто оказываются бесплодными многочисленные и тяжкие труды и подвиги. Преподобный Лествичник и по своему опыту, и по опыту других вполне сознавал это, и в своей книге не раз выражал мысль о великой важности для подвижников соблюдения правильной и строгой постепенности в совершении подвигов.

Поэтому, согласившись, по настоянию преподобного Иоанна Раифского, быть руководителем иноков, святой муж не довольствовался тем, чтобы дать им только сухой перечень обязанностей их звания, но желал указать и наилучший благонадежнейший порядок совершения подвигов, желал показать, в какое время лучше и полезнее преимущественное упражнение в той или другой добродетели, преимущественная усиленная борьба с тем или другим пороком. Для этого в своей книге он старался располагать и соединять подвиги, которые должен пройти инок, по связи их между собою не столько логической, сколько практической, основанной на накопленном им и другими синайскими подвижниками опыте духовной жизни.

Не станем доказывать, будто порядок жизни духовной, предначертанный преподобным Иоанном, безусловно точен, строг и неизменен. Но смело можем утверждать, что Лествица преподобного Иоанна представляет благонадежнейшее руководство к достижению высшего христианского совершенства. За достоинство ее, за верность, прямоту и безопасность показываемого ею пути нравственного преуспевания ручаются опыты многочисленных подвижников синайских и собственный глубокий духовный опыт самого св.Иоанна. Такому ручательству смело можно довериться.

Не отвергаем того, что естественная предрасположенность человека, обстоятельства жизни, виды и намерения Промысла Божия, время и место подвига – все это может давать благочестивому стремлению подвижника различное направление и производить в подвигах различные перемены. [Жизнь](#) духовная в частности может разнообразиться почти до бесконечности. Но, однако, у всех есть нечто общее в ходе духовной жизни точно так же, как и телесной.

Поэтому и Лествица св. Иоанна может и мирянину, ищущему своего спасения, оказать действенное и важное пособие. Эта мысль принадлежит не нам, а Святой Церкви. Не напрасно она в святые дни говения, когда христиане наиболее расположены заниматься делом своего спасения, предлагает в руководство всем без различия Лествицу. Внимательное изучение такого общеназидательного отеческого писания может быть в высшей степени поучительно для всякого мыслящего и благочестивого христианина.

Весь труд христианского подвижничества состоит в том, чтобы, как говорит апостол Павел, отложить нам прежний образ жизни ветхого человека, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины ([Еф. 4:22—24](#)). В этом заключается основа Лествицы преподобного Иоанна, основа и ее существенного содержания, и ее общего разделения. Все ее степени – это не что иное, как частные подвиги, посредством которых осуществляются указанные апостолом дела подвижничества или же совершается необходимое приготовление к наилучшему их выполнению.

Что касается распределения этих частных подвигов и степеней, то и здесь нельзя не заметить, что Лествица построена в соответствии с приведенными словами апостола. Действительно, за исключением нескольких приготовительных степеней, в Лествице ясно видны две главные части, из которых первая заключает в себе подвиги или степени очищения гнездящихся в ветхом человеке пороков и страстей, вторая – подвиги преуспевания в духовной жизни, которыми восстанавливается в душе человека образ и подобие Божие.

игумен Герман (Осецкий)

**Лествица до врат небесных. Как читать «Лествицу»
мирянину**

Часть I. Подвиги предуготовительные

К разряду предуготовительных можно отнести семь начальных подвигов. Одни из них подготавливают ревнующего о благочестии, так сказать, со стороны внешней, предотвращая те препятствия его святому делу, которые могут произойти извне. Эти подвиги ставят его в такое отношение ко всему окружающему, которое бы благоприятствовало ему впоследствии. Другие приготавливают подвижника, так сказать, со стороны внутренней, уничтожая те затруднения, которые могли бы для него возникнуть в нем самом, и придавая такое направление его духовной жизни, которое бы постоянно содействовало его будущим трудам.

Степень I

Первой заботой желающего посвятить себя исключительно делу своего спасения преподобный Иоанн назначает отречение от мира и удаление от него. «Приступающие к иноческому подвигу, – говорит он, – от всего да отрекутся, все да презрят, все да отринут».

Мир, во зле лежащий, составляет первую и великую преграду для благочестия. Эта истина так известна и несомненна, что нет нужды ее раскрывать и доказывать. Ее выражал неоднократно Сам Спаситель, многократно высказывали апостолы, ее подтверждает ежедневный опыт всякого, кто желает жить праведно и благочестиво среди мирской суеты. Христианин должен отдать Богу все свое сердце, а мир требует его себе или, во всяком случае, занимает в нем некоторую часть. Христианин должен горняя мудрствовать, а мир заставляет его погружаться в помышления земные и суетные. Христианин должен заботиться единственно о спасении своей души, а мир вовлекает его в многообразные заботы о вещах преходящих. Поэтому, хотя подвиг удаления от мира не составляет самого существа христианского подвижничества, однако же, весьма справедливо указывается он в Лестнице, как подвиг приготовительный, как средство, предотвращающее главнейшее препятствие к богоугодной жизни.

Без сомнения, нельзя требовать, чтобы все христиане оставили свои дома и шли в пустыни спасаться, это невозможно исполнить. Однако всякий, заботящийся о своей душе, и должен, и может избегать мира в той мере, в какой мир может вредить его спасению. Почему, например, не прекратить лишние связи с людьми, из которых не выносим и от которых не получаем ничего, кроме вреда? Почему человеку-семьянину не довольствоваться общением в своем семейном кругу и не ограничить отношений с миром только случаями действительной необходимости? Если и это не по силам, то почему, по крайней мере, по временам, например, в святые дни говения и праздников, не отрываться от мирской суеты, чтобы хотя бы несколько дней пожить для Бога и своей души?

Надо, однако, заметить, что тяжкий подвиг удаления от мира может быть трудом напрасным или даже вредным, если в основание его не положено доброе намерение, цель исключительно благочестивая. Удаление от мира, по мнению св. Иоанна, бывает делом богоугодным и действительно полезным для самого подвижника только тогда, когда оно предпринимается или ради будущего царствия, т.е. с целью беспрепятственнее и вернее совершить свое земное назначение – приготовление к блаженной вечности; или по множеству грехов, т.е. с целью вдали от мирской суеты и развлечений посвятить свою жизнь постоянному оплакиванию былых заблуждений; или по любви к Богу, т.е. с желанием безраздельно отдать свое сердце Господу, воспламенившись святым чувством любви к Богу, безраздельно отдать свое сердце Господу, Ему посвятить всего себя, для Него Единого и в Нем Едином жить всей своей душой. «Если же, – замечает преподобный учитель, – (оставившие мир) не имели ни единого из перечисленных намерений, то отчуждение мира было безрассудное».

Понимая оставление мира как монашеский обет, как решительный шаг к жизни, посвящаемой исключительно на служение Богу, на усовершенствование и спасение души, св. Иоанн дает вступающему на это трудное поприще многие советы, которые ему нужно знать заранее. Не можем не упомянуть здесь, по крайней мере, о важнейших из них:

1. Когда есть призвание Божие к подвижнической жизни в иночестве, надо следовать этому зову. «Если, говорит он, – земной Царь зовет нас на воинские подвиги пред своим лицом, мы не отказываемся, но немедленно являемся к нему, то тем более будем к себе внимательны, чтобы Царя царей, призывающего нас к ангельскому сему чину, по лености и нерадению преслушав, не

оказаться нам безответными на Страшном судище». Множество грехов, делающих человека будто бы недостойным иноческого обета, не может быть справедливым поводом к уклонению от высшего звания. Напротив, по мысли Преподобного, там-то и нужны сильные врачебные пособия, где велика болезнь.

2. Впрочем, не надо решаться вступать на иноческий подвиг легкомысленно. «Да видят все приступающие к сему жестокому, тесному, многотрудному подвигу, что они пришли свергнуться в огонь. И так предварительно да искушает каждый себя, и так от хлеба жития иноческого с горьким зельем да ест, от чаши, слезами растворенной, да пьет, да не в суд себе воинствует».

3. Особенно хорошо взять на себя благое иго Христово в юности, так как в молодости человек удобнее может изменить себя, нежели в последующие годы. «Благо человеку, — говорит Пророк Божий, — когда он несет иго в юности своей» ([Плач 3:27](#)). «Посвяти труды юности твоей Христу благоохотно, — говорит св. Лествичник, — и в старости возвеселишься о богатстве своей добродетели»²⁷.

4. Во всяком случае, вступать на путь креста и самоотвержения надо по чисто благочестивым побуждениям ²⁸, с радостью и бодрым духом²⁹.

5. Решившись однажды и навсегда вступить на путь иноческой жизни, прежде всего надо избрать опытного руководителя.

Особенно необходимо стараться положить доброе начало, быть строгим к себе и внимательным к своим обязанностям с самых первых дней своего иночества. «От доблестного начала, — говорит Преподобный, — непременно проистечет нам польза даже самом изнеможении, если оно придет, ибо мужественная душа, когда и начнет ослабевать, то воспоминанием о прежней ревности возбуждается опять к мужеству».

Встречать и совершать будущие подвиги надо с духом веселым и бодрым, без ропота и рабского страха. «Сколь достохвальны, — говорит Преподобный, — с самого начала исполняющие заповеди Божии со всякою радостью, веселием и ревностью, столь достойны сожаления те, которые, долго пребывая в иноческом подвиге, с сетованием идут, если только идут, по пути добродетелей».

Степень II

Но отречением от мира и видимым оставлением его подвижник еще не окончательно порывает с миром. Удалившись в пустыню и убежав от людей, человек может следить мыслью и сердцем за мирскою жизнью и предаваться житейским суетным попечениям и, таким образом, в самое уединение вносить пагубное влияние мирской жизни. Поэтому вторым подвигом подвижника преподобный Иоанн назначает отложение житейских попечений.

Сущность подвига состоит в том, чтобы совершенно оторвать душу и мысль от того, от чего отрекается подвижник устами и удаляется наружно, исполнить во всей обширности заповедь апостола: «не любите мира, ни того, что в мире» ([1Ин. 2:15](#)). Нужно отсечь всякое пристрастие ко всему, чем утешаются сыны века сего, нужно подавить пристрастную привязанность ко всем, даже к родным, чтобы связь с ними и попечения о них не помешали главному делу подвижника. «Истинный инок, — говорит Преподобный, — совсем не возлюбит, и не помыслит, и не попечется ни о серебре, ни о стяжаниях, ни о родителях, ни о мирской славе, ни о друге, ни о братьях, и ни о чем земном, но все мирские вещи и всякое о них попечение отвергает, и притом и самую плоть свою ненавидит».

Такого всецелого отречения требует и воля Господа, и сущность богоподражательной святой жизни: «если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» ([Лк. 14:26](#)). И действительно, кто желает быть на пути к небу, тому необходимо отсечь все страстные земные привязанности: «никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» ([2 Тим. 2:4](#)). Надо поправить все земное, чтобы мудрствовать горняя. Надо извергнуть весь мир из сердца, чтобы отдать его всецело безраздельной любви к бесконечному Богу. В противном случае наш ум скоро покроется мглою помыслов чувственных, суетных, нечистых. Из орла, которому бы надлежало парить в чистом воздухе, созерцать солнце истины духовной и Божественной, наш ум превратится в крота, роющегося в земле, в прахе и в тлении дел мирских, плотских, чуждых для духа. Скоро и сердце совсем закроется для святой любви к Богу, сделавшись вместилищем чувств и привязанностей таких же земных и нечистых, как и помыслы ума.

Без сомнения, в высшей мере этот подвиг обязываются совершать одни иноки, навсегда отрекшиеся от мира, чтобы жить для одного Бога. Но в некоторой степени этот подвиг и доступен, и требуется от каждого христианина, так как и его главною заботой должно быть спасение души. Все, что не питает духовной жизни и не способствует духовному росту, как тленное и скоропреходящее, не должно быть для христианина таким сокровищем, к которому было бы привязано его сердце.

По апостольской заповеди, все христиане должны жить так, чтобы были «имеющие жен, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие, и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся» ([1 Кор. 7:29—31](#)). И живущий в мире может не увлекаться заботами житейскими; пусть он в обыкновенных своих делах и занятиях жизни отложит попечение излишнее, многозаботливое, суетное, происходящее от неумеренных желаний, от недостатка веры в Бога и упования на Его Провидение.

Болезненным этот подвиг представляется только издали. По свидетельству преподобного Иоанна, он вовсе не труден для иноков, если в них живы и тверды или любовь Божия, или желание будущего царствия, или живое раскаяние в своих грехах, т.е. живы те начала, которые подвигли их к отречению от мира. Поэтому лучшим средством для укрепления подвижника,

почувствовавшего некоторую робость и бессилие перед трудностями настоящего подвига, является утверждение в себе помышлений, привлечших его к жизни подвижнической. Но как бы то ни было, главное для инока не расслабляться, так как он непременно должен выдержать подвиг. «Да внимаем себе, – говорит преподобный учитель, – чтобы, сльвя идущими по тесному и скорбному пути, на самом деле не блуждали по пространной и многолюдной дороге».

Степень III

Освободившись от всех земных привязанностей, подвижник легко и свободно пойдет по избранному им пути. Теперь ему остается только избегать всякого случая снова сблизиться с миром, снова привязаться к тому, от чего с таким трудом отрешился. Поэтому к двум первым степеням отречения от мира в виде дополнения присоединяется третья – уклонение от мира.

Оно требует, в частности, удаления:

1) От тех лиц, которые каким бы то ни было образом могут снова привязать неопытного подвижника к оставленному им миру, а именно: от людей, преданных миру, и, по возможности, даже от родственников.

Вред, который может произойти для новонаначального инока от сообщения с людьми первого рода, понятен. Даже от невинных по своему предмету, поучительных бесед с ними, иноку пользы мало, но чаще в мире можно попасть на пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. От таких людей апостол заповедует удаляться ([1 Тим. 6:5](#)), так как «худые сообщества развращают добрые нравы» ([1 Кор. 15:33](#)). Поэтому преподобный Лествичник вообще говорит: «Кто, по отвержении своем от мира, с мирскими людьми обращается или, по крайней мере, близ них находится, тот или падет в их же сеть, или... осуждать станет», т.е. во всяком случае повредит себе.

Не менее важно для подвижника избегать неосторожного отношения со своими родными. Частые с ними свидания, и сами по себе составляя уже немалое развлечение, постепенно могут снова привлечь его к миру и вовсе погасить огонь сердечного сокрушения. «Смотри, смотри, — говорит Преподобный инок, — чтобы по причине пристрастия к любимым твоим сродникам все твое благополучие не явилось потопленным, и чтобы тебе из любви к ним и самому в этом потоке не погрязнуть».

«Поэтому преподобный Лествичник не советует иметь связи с указанными лицами ни под предлогом искания высших подвигов и наград в том случае, когда мы сохраняем себя, будучи окружены опасностями: «Кто советует нам не отлучаться от мирских лиц, представляя, что мы великое за то вознаграждение получим, если, смотря на женщину, от нее воздержимся, того не должно слушать, и надо поступать наоборот»; ни под предлогом содействия спасению других своим примером или словом. Преподобный Иоанн не отвергает того, что иногда, действительно, подобным образом приносят пользу отшельники, в новоначальных же подобные желания чаще всего порождаются их суетными помыслами. Даже если такое желание и искренно, и желающий может доставить другим некоторую пользу, ему необходимо помнить, что о спасении других не все мы отдаем отчет, ибо говорит апостол: «итак, каждый из нас — за себя даст отчет Богу» ([Рим. 14:12](#)). И еще: «как же ты, уча другого, не учишь себя самого?» ([Рим. 2:21](#)). Как бы так говорит: «Заботиться ли о других, не знаю, а о себе самих все мы стараться должны».

2) От всех мест и предметов, которые, каким бы то ни было образом, могут пробудить в душе подавляемую любовь к миру и мирской жизни. Подобные места часто прикрываются личиною безвредности и таким путем завлекают в себя людей даже весьма благонамеренных. Чтобы подвижник не впал в такой обман, Лествичник дает ему следующее правило: «Надо входить в такие места, где нет ни малейшего утешения, тщеславия, гордости. Впрочем, — замечает Преподобный, — мы отходим в пустыню не по ненависти к своим домашним или к местам, нами обитаемым, но желая избежать происходящего от них нам вреда».

Этот подвиг, хотя он и кажется относящимся исключительно к одним инокам, могут в

своей мере исполнять и христиане, живущие в мире. Награду за этот подвиг они получают, если откажутся от посещения тех мест, в которых витает [грех](#) и растление души или, по крайней мере, будут стараться предохранять себя от их пагубного влияния, если будут устраняться от бесчинных обществ людей, не имеющих страха Божия, отвращать слух от их непристойных речей. Награду за этот подвиг они будут иметь, если свои чувства к родным станут держать всегда в таких пределах, чтобы привязанность к ним не подавляла святой любви к Богу, чтобы заботы об их благосостоянии не отнимали возможности заняться своим душевным спасением.

Выведя таким образом подвижника далеко за пределы суетного мира и поставив его на путь спасения, святой руководитель дает приличный и благотворный совет: «Взойдя на эту ступень, не озирайся ни направо, ни налево, не развлекайся ничем посторонним, имей постоянно в уме своем ту высокую цель, к которой ты стремишься, и не отступай ни на шаг от избранного тобою пути; тем более, опасайся хотя бы намного подумать об оставленном тобою мире, сделать хотя малый уклон назад; сохрани тебя от этого, Боже! Так как «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия"''' ([Лк. 9:62](#)).

Степень IV

Отрешившись от всего внешнего и не отвлекаясь ни на что постороннее, имея в виду свое спасение, подвижник должен заметить, что важнейшие препятствия на пути к начатому им святому делу находятся внутри него самого. Следовательно, еще не вступая в самое это дело, предварительно он должен стараться преодолеть и эти внутренние препятствия, настроить себя так, как требует предстоящая подвижническая жизнь. И, главное, подвижник должен отвергнуться себя самого, своего я, сокрушить в себе свой гордый и своенравный характер — эту закваску всякого зла для всей жизни человека. Не сделать этого — значит обречь свои подвиги на несомненную и совершенную бесплодность, как и, напротив, если прежде заградить источник нравственной нечистоты, то можно с надеждою на успех очищать истекший из него ил. Сам Спаситель предварительным делом подвижничества назначает самоотвержение: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» ([Мк. 8:34](#)). Сообразно с этим преподобный Иоанн, проведя подвижника чрез предуготовительные степени внешние, прежде всего, требует от него отречения от своей воли и от своего рассуждения, требует «блаженного и приснопамятного послушания». Так как этот подвиг основной, от которого зависит благой исход всей жизни подвижнической, то он описывает его с большою подробностью.

Послушание, в общем смысле, есть подчинение своей воле воле другого. Но в этом еще нет ничего особенного. Сила христианского, иноческого послушания состоит в том, что оно есть свободное отречение от своей воли вследствие смиренного недоверия к ней, как воле злой и развращенной, в том, что оно есть свободная покорность воле другого человека, как воле Самого Христа, как воле Божией. Достоинство же этого подвига определяется степенью самоотречения и покорности руководителю. В истинном иноке то и другое должно быть в самой высшей мере. «Послушание, — говорит Преподобный, — есть отвержение своей души, есть гроб воли, отложение своего рассуждения, есть недоверие к самому себе во всех добродетелях до конца жизни; есть нелицемерное, всецелое предание всего себя и даже своего спасения другому. В таком, и только в таком виде послушание истинно благополезно для подвижника». «Истинные послушники, — также говорит он, — избрали самый краткий и непродолжительный путь; они море житейское переплывают, будучи поддерживаемы поверх воды руками другого».

Впрочем, благоразумный подвижник, решившийся доверить свое спасение другому, со всякою осторожностью и осмотрительностью должен избирать себе руководителя, чтобы, надеясь в нем иметь руководителя ко спасению, не получить руководителя к гибели. Преподобный Лествичник дает на этот случай следующее правило: «Избирай себе руководителей по качеству своих страстей. Когда чувствуешь в себе великое стремление и поползновенность к плотской похоти, ищи учителя постника, а не чудотворца, и не такого, который готов всякого принять и трапезою угостить; когда видишь себя высоковышним или гордым, то избери наставника свирепого и неснисходительного, а не кроткого и человеколюбивого» и т.д. Избрав таким образом наставника, надо иметь к нему полную доверенность; бояться осуждать его; открывать ему все грехи, раскрывать пред ним всю свою душу, чтобы руководитель знал, как поступать с своим послушником; оказывать ему беспрекословное послушание во всем.

Нужен ли и возможен ли этот подвиг послушания для мирянина? Как по роду звания необходимы особые учителя, так по роду подвигов нужны особые руководители для всякого человека без различия. Поэтому и для всякого мирянина было бы очень полезно, если бы он решился избрать себе особенного наставника, сведущего и опытного в духовной жизни, слово

которого было бы сильно его доброю жизнью, охранено от заблуждений смирением. Найти и иметь такого опытного руководителя при искреннем желании вовсе не так трудно, как это представляется с первого раза. Есть у мирян пастыри Церкви, отцы духовные, родители, начальники, благодетели, люди опытные, благоразумные и просвещенные. Послушание, оказываемое мирянами подобным лицам ради Господа и как Самому Господу, будет иметь такую же цену в глазах Его, как и послушание иноческое.

Заградив источник зла в своем сердце, смирив свою — волю, подвижник мог бы, по видимому, начать очищение себя от всех нечистот греховной жизни. Но прежде ему нужно еще стяжать дух покаянный и сокрушенный, предварительно нужно ясно сознать всю опасность своего нравственного состояния. Ему нужно внимательно и подробно рассмотреть и взвесить все свои недостатки и слабости, чтобы знать, против чего и в какой мере надо бороться, когда приступит к самому делу освобождения себя от прежней греховной жизни. Вслед за послушанием подвижнику нужно стяжать живое и деятельное покаяние. Послушание способствует этому: оно уничтожает самообольщение, рассеянность и лень, помогает подвижнику обратить испытующий взор на самого себя и разоблачает перед ним всю его душу, так что подвижник беспрепятственно видит всю свою греховную нечистоту.

Говоря здесь о покаянии, преподобный Иоанн понимает не только периодическое очищение своей совести исповедью перед отцом духовным, но, в первую очередь, постоянное сокрушение сердца о содеянных беззакониях, непрестанное взывание к милосердию Божию, труды и томление плоти долговременные, как наказание за прежние неправды. «Покаяние есть осуждение самого себя; кающийся есть непостыдный осужденник, и покаяние, — говорит он, — между прочим, есть постоянное отвержение телесной нежности. Кающийся есть истязатель самого себя».

Желая изобразить, как надо совершать это святое дело покаяния и как возбудить себя к нему, преподобный Иоанн почел за лучшее представить и описать, как каялись подвижники, искренно проникнутые сознанием своей духовной нищеты. Эти блаженные труженики занимали место мрачное и темное, не представляющее никаких утешений, которое потому и называлось Темницею. От полноты сердечного сокрушения они проводили целые ночи без сна, стоя на одном месте и взирая на небо, испускали стенания и вопли и проливали целые потоки слез, носили вретисце, посыпали главу свою пеплом. Далеко от них изгнано было все непристойное, смех, празднословие и т.п. Каждый в молчании ума и души, в глубоком уединении размышлял о своих грехах и оплакивал их, ничем посторонним не занимаясь и не отвлекаясь. Что касается их внутреннего расположения, то все они глубоко чувствовали свое уничижение, вполне сознавали себя недостойными милости Божией, но вместе с тем никто из них не отчаивался получить прощение, веруя в беспредельное милосердие Божие к бедным, чистосердечно раскаивающимся грешникам. Подвижники благословляли Бога во всяком случае, отверзал ли им Господь двери Своего милосердия или не отверзал. «И если отверз Он нам двери неба, то превосходно и хорошо, если и не отверз, благословен Господь Бог, заключивший нам эти двери по недостойнству нашему», — говорили святые труженики, и, хотя бы целые десятки лет не являл им Господь Своей милости, они не переставали служить Ему до конца жизни. «Может быть, после многого нашего бесстыдного настаивания, Он нам и отверзет двери, по Своему обещанию: «стучите, и отворят вам» ([Лк. 11:9](#)), рассуждали они, желая возбудить в себе терпение в трудах и болезнях покаяния.

В дополнение к своим повествованиям, так подробно объясняющим истинное духовное покаяние, повествователь от себя еще особенно напоминает подвижникам о необходимости более всего беречься в подвиге покаяния, с одной стороны, отчаяния в милосердии Божиим, а с другой, излишней надежды на это милосердие. И то, и другое равно приготавливают человеку неизбежную погибель.

Надо ли доказывать, что и каждый христианин не должен быть чужд во всякое время духа покаяния, так как нет времени, в которое бы кто-нибудь мог сказать о себе: «я чист от греха?»

([Прит. 20:9](#)). Надо ли доказывать, что и всякий христианин, желающий быть причастником звания небесного, не должен быть чужд этой степени? «Покайтесь», – говорит Господь ко всем ([Мк. 1:15](#)). Покайтесь, – призывают также ко всем святые апостолы. Церковь назначает время для открытого, общего покаяния и исповеди, но этим она не освобождает от обязанности во всякое время сокрушаться о грехах перед Богом, непрестанно внутренне исповедовать Ему содеянные беззакония и творить плоды, достойные покаяния. Без непрерывного покаяния нашего духа даже невозможно богоугодное и благоплодное исповедание грехов. Сердечное умиление и сокрушение делают истинным наше исповедание грехов. Но снискать это расположение вдруг – невозможно.

Степень VI

Вслед за покаянием Преподобный назначает и еще подготовительный подвиг к великому делу самоочищения от греховных деяний и прелестных похотей жизни плотской — памятование смерти. И весьма справедливо. Оно, выводя мысль человека из пределов мира в жизнь загробную и заставляя оттуда смотреть на земное наше бытие, во всей наготе открывает все ничтожество, всю суету земной жизни, душевной, не освященной высшими стремлениями духа. Поставляя человека, так сказать, лицом к лицу перед судом Божиим, который ожидает всех, оно открывает всю меру тяжести преступлений, всю обширность губительного действия на нас наших страстей, злых привычек, противных христианскому духу мыслей, чувств и желаний. Все это располагает человека искоренять в себе нравственные плевелы и непрестанно заботиться о благочестии.

«Памятование смерти, — говорит далее преподобный Иоанн, — есть ежедневная [смерть](#) и воспоминание об исходе жития своего». То есть, эта степень требует не только временного, делаемого изредка и то как-нибудь случайно, припоминания смерти, но постоянного, ежечасного, ежеминутного; требует не только холодного и отвлеченного представления смерти без всякого сердечного чувства, но настолько живого, чтобы подвижник видел себя как бы уже умершим и стоящим пред нелицеприятным Судиею. Такое настроение души, по мнению Лествичника, в высшей степени благотворно, потому что при нем человек нелегко впадает в грехи. Эта мысль ясно выражена и в [Священном Писании](#): «Помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» ([Сир.](#) 7:39).

Будучи уверен и уверяя других в великом значении для нас памятования последней минуты, св.Иоанн тем заботливее старается предостеречь от всего, что могло бы сделать это памятование бесплодным. Так, «бояться смерти, — говорит он, — извинительно, потому что естественно, но трепетать и ужасаться не должно. Трепет есть знак нераскаяния в грехах. Искусен человек, который ежедневно ожидает смерти своей; свят, который ежечасно ее желает. Но не всякое желание смерти похвально. Есть такие люди, которые смиренно ее желают потому, что по привычке своей как бы насильно бывают влекомы ко грехам. Есть такие, которые, не желая покаяться, призывают ее из отчаяния. А есть и такие, которые из гордости, почитая себя бесстрастными, смерти не трепещут. Но бывают, наконец, и такие (если только в нынешнее время найдутся), которые, по действию Св. Духа, желают исшествия своего отсюда, подобно святому апостолу, говорившему о себе: «имею желание разрешиться и быть со Христом»» ([Фил.](#) 1:23).

Памятование о смерти часто кажется людям занятием слишком мрачным, тяжелым, отравляющим наслаждение жизнью, и потому многие всячески стараются удалить его от себя. А ведь именно таким, окруженным разнообразными удовольствиями жизни, особенно и нужно непрестанно иметь пред очами час смертный, чтобы они, живя среди повседневной суеты, отвлекающей их мысли от неба, от Бога, от вечности, могли оценить истинное достоинство и значение всех этих преходящих, мелочных, нередко пагубных забот, занятий и удовольствий жизни душевной. «Истинный признак, — говорит преподобный Иоанн, — воспоминающих о смерти с сердечным сокрушением состоит в том, чтобы ко всякой вещи мира сего иметь добровольное беспристрастие».

Как памятование о смерти имеет живую, непосредственную связь с покаянием, так плач радостный – с ними обоими вместе. Он есть плод того и другого и признак высшей меры преуспевания в них. Потому плач составляет для подвижника также средство очищения себя от нечистот греховной жизни и справедливо поставлен на седьмой степени духовной Лестницы. «Плач, – по словам св. Лествичника, – есть сетование души, воспламененной любовью Божией, и длительно пребывающей в нем. Это сетование предшествует блаженному ее спокойствию, предохраняя, очищая и омывая ее от нечистоты пороков». Действительно, плачущему не придет никогда на ум роскошь, или слава, или гнев, или вспыльчивость.

Впрочем, это не есть какое-нибудь мрачное, безотрадное стенание, душевная безысходная мука. Напротив, кто облекся в это блаженное и благодатное рыдание, как в брачную ризу, тот ощущает внутри себя истинное духовное веселие. Это странно и непонятно, однако, действительно так. Изумлялся этому явлению и Преподобный наш учитель. «Когда я рассуждаю о свойствах умиления, то весьма удивляюсь, каким же образом внутреннее веселие и радость могли бы заключаться в плаче и печали, как мед в пчелином улье. Что же из этого примечать должно? То, что такое умиление есть истинное Божие дарование. Не бывает тогда в душе такой радости, которая со скукою смешана, потому что Бог сокрушенных сердцем невидимо утешает».

Плач есть плод покаяния и памятования смерти, потому и лучшее средство к возбуждению благодатных слез есть глубоко внимательное рассматривание своих грехов и особенно усиленное представление наказаний, которые понесем за них после смерти. «Беспрерывно воображай и рассуждай в себе об оной мрачной, огненной бездне, о неумолимом Судии, о суровых мучителях, о непроходной пропасти подземного пламени, о тартарских страшных местах, о бедственных сходах в темные бездны и о подобных сему вещах». Это средство главное.

Однако, не нужно пренебрегать и другими, менее важными пособиями, которые могут также привести к желанной цели, расположить душу к умилению, а очи к слезам. «К изливанию слез да возбуждает тебя, – говорит Преподобный, – и самая твоя одежда; ибо все плачущие по мертвым обыкновенно надевают черное платье. Если слез у тебя нет, то по этому самому плачь, а если есть, то рыдай еще более, потому что ты грехами своими довел себя до печали». Впрочем, не надо забывать, что истинный плач есть дар Божий. «Не тогда плачущий достигает совершенного плача, когда он сам только пожелает, но когда Бог этого захочет». Поэтому более всего нужно просить Его, чтобы Сам Он дал нам дух сердечного сокрушения.

«Достигнув же плача, – говорит преподобный учитель, — всею силою старайся удержать его, потому что прежде, нежели ты к нему привыкнешь, он весьма легко исчезает ³⁰. Плач исчезает от житейских хлопот, телесных попечений, роскоши, и, преимущественно, от многословия, пустословия и смеха – он тает, как воск от огня. Кто попеременно то плачет, то предается безрассудной веселости, тот подобен человеку, который для того, чтобы прогнать сластолюбивого пса, в одной руке держит камень, а в другой хлеб; по видимости он его отгоняет, но самым делом к себе призывает».

«Какие бы высокие должности в жизни мы ни занимали, но если сердечного стенания не стяжем, то все эти роды жизни нашей несправедливы и непотребны». Вот как рассуждает преподобный Лествичник о радостотворном плаче в отношении к мирским людям! Мирские лица, т.е. большая их часть, с этим не согласятся. «Что за необходимость отравлять все радости, все удовольствия жизни вздыханиями, слезами и сердечным сетованием? Неужели Бог дал нам

эту жизнь, чтобы мы только плакали и терзались душою, чтобы она была для нас безотрадным мучением? Слезы и сетования, может быть, и нужны, и полезны для тех, кто исключительно посвятил себя делам высокого подвижничества, но не для нас», — скажут они. Действительно, скажем словами нашего учителя: «Бог не требует и не хочет того, чтобы человек сердце свое стенанием изнурял и плакал, но хочет, чтобы, воспламеняясь любовью к Нему, душевно смеялся и веселился».

Но наши грехи, свободным от которых, конечно, не назовет себя ни один мирянин, требуют слез, как воды очистительной. «Нужно, поистине нужно, чтобы осквернившиеся после бани пакибытия, т.е. крещения, сняли эту нечистоту с рук своих сердечным огнем усердия, никогда не угасаемым. Отними грех, тогда и слезы в телесных очах иссякнут, так как, когда нет раны, нет нужды и в пластыре. Не плакал [Адам](#) прежде преступления, равно как и по воскресении, когда грехи человеческие кончатся, слезам места не будет, так как отбежит тогда болезнь, печаль и воздыхание» (См. [Откр. 21:4](#)). Поэтому выходит, что Бог создал нас для радости и наслаждения, но со дня Адамова преступления совершенное исполнение этого нашего назначения перенесено на жизнь будущую, а настоящая стала, по преимуществу, временем оплакивания грехов. В этом-то смысле Преподобный и восклицает: «Не на брак мы сюда, возлюбленные, не на брак приглашены, но поистине на оплакивание грехов наших Господь нас призвал». «Не будем мы, братие, не будем обвинены при исходе души нашей из тела за то, что мы не чудодействовали, или не богословствовали, либо в глубоких размышлениях не упражнялись, но за то дадим ответ Богу, что никогда грехов своих не оплакивали».

Впрочем, самый этот плач и это сетование вовсе не делают жизнь столько безотрадною и мучительною, как это кажется тем, которые не испытали их. Напротив, плач о грехах есть плач радостотворный, он приносит с собою самые чистые, самые возвышенные небесные утешения, перед которыми все земные радости совершенно исчезают. Можно сказать без преувеличения, что если еще возможны на земле истинные радости, то они стяжаются плачем о грехах. «Но порядок и условия жизни общественной, которыми живущему в мире пренебрегать не следует, мешают вполне предаться требованию этой степени», — скажут миряне. Какие бы ни были этот порядок и эти условия, «тому, кто приобрел душевные слезы, никакое место плакать не возбраняет». Достигший плача повсюду может носить с собою в своем сердце самое глубокое сокрушение о своих грехах, самую живую печаль по Боге. При таком настроении души он нигде не устыдится выразить свои чувства наружным образом, а если даже и не уронит ни одной слезы, ничего от этого не потеряет. А кто плачет только наружно, не имея в сердце живой боли, тот всегда будет применяться к местам и мирским обычаям.

Часть II. Подвиги самоочищения от нечистоты греховной жизни, или подвиги совлечения ветхого человека

Прошедши степени предварительные, подвижник должен вступить в самый подвиг совлечения ветхого человека. Дело, предстоящее иноку, требует, чтобы он распял «плоть со страстями и похотями», умертвил «земные члены» ([Гал. 5:24](#); [Кол. 3:5](#)), очистил себя от всякой скверны плоти и духа ([2 Кор. 7:1](#)), искоренил в себе все ветхое, греховное. Преподобный наш учитель руководит в этом деле подвижника таким образом:

В первую очередь указывает ему на необходимость очищения себя от скверны плоти, т.е. от всех тех пороков и страстей, которые имеют основание свое имеют в испорченности нашей телесной природы и из нее происходят, а потом уже советует заняться искоренением пороков душевных. Этому правилу можно найти основание в том, что борьба с плотью, требуя в основном средств внешних, доступнее и удобнее для новоначальных, чем борьба чисто духовная.

Преподобный Иоанн обращает внимание преимущественно на те стороны нашей испорченной чувственной природы, от которых происходят пороки в наибольшем числе и наибольшей важности. В этом отношении на первом месте он полагает наше испорченное сердце, как источник зла, затем указывает на язык (См. [Иак. 3:2, 5, 6.](#)), далее – на чрево, которое может до того возобладать над человеком, что делается его богом, по выражению апостола.

От дурного сердца, от необузданных языка и чрева может происходить множество пороков. Степенями духовной Лестницы Преподобный назначает освобождение только от главнейших из них, коренных, которые служат как бы началами порочной жизни и производят из себя полчища других пороков. С уничтожением главнейших пороков сами собою уничтожаются и эти последние.

Что же касается порядка борьбы с пороками, то преподобный муж имеет в виду генетическую связь пороков и прежде всего говорит о пороке, который как бы производит из себя другие, потом о другом, который ближайшим образом рождается от первого, так чтобы предыдущий подвиг мог служить пособием последующему.

Подвиги против пороков сердца

Степень VIII

Сообразно с этим Преподобный первым подвигом против пороков дурного сердца назначает истребление в нем гнева, как важнейшего между ними и первоначального. Склонность к гневу составляет истинное несчастье для всякого человека, а тем более для инока. Гнев омрачает свет здравого разума (См. [Пс. 4:5](#)), лишает чистой и богоугодной молитвы (См. [Мф. 5:24](#); [1 Тим. 2:8](#)), препятствует самоисправлению³¹. Гнев отталкивает спасительное действие на нас благодати Святого Духа. Если Св.Дух несет с Собой мир душевный, а гневвозмущение сердца, то, следовательно, ничто настолько не преграждает в нас пути Ему, как ярость. Не ограничиваясь этим вредом для человека, гнев еще влечет за собою в его душу множество других пороков: памятозлобие, ненависть, вражду, клевету и многие другие с их несчетными исчадиями. Поэтому Слово Божие со всею строгостию предписывает каждому христианину воздерживаться от гнева не только обнаруживаемого, но и скрываемого в мысли (См. [Еф. 4:26](#), 27, 31; [Мф. 5:22](#)).

Преподобный под непозволительным гневом понимает всякое сердечное раздражение, не только исступленную ярость, но и легкую досаду, раздражение, производимое в нас всякою неприятностию, малою или великою, незначительною шуткою или кровным оскорблением. И желающему достигнуть этой степени мало уменья переносить только неважные обиды, или и важные, но с некоторою горечью и болезнью сердца; ему надо приобрести навык среди огорчений всякого рода сохранять полное спокойствие и невозмутимое расположение души, даже радоваться, по заповеди Спасителя: «блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» ([Мф. 5:11—12](#)).

В борьбе с этим душевным недугом, гневливостью и раздражительностью, могут быть, по мнению Преподобного, употребляемы с пользою перечисленные далее средства.

1) Музыка и пение. Гармоничное сочетание звуков, особенно в духовных песнопениях, имеют несомненное, познанное на опыте свойство укрощать душевные волнения, успокаивать и умягчать сердце.

2) Общество. Иногда случается, что уединение способствует усилению гнева. Оставшись наедине сам с собою и находясь под влиянием страсти, человек начинает вдумываться в обстоятельства неприятного случая, воображает их в преувеличенных чертах. Желчь все более и более разливается и, наконец, несчастным совершенно одолевает ярость, он делается бешеным, едва не сумасшедшим. Он начинает бранить своего врага, грозить ему, сопровождая все это самыми резкими жестами. Для таких-то людей может быть очень спасительно общество. Беседа с посторонними лицами отвлекает внимание разгневанного от лица, разгневавшего его, останавливает игру его воображения, успокаивает волнение крови, восстанавливает в душе владычество здравого и спокойного рассуждения.

3) Строгое подчинение старцу, пример и наставление благоразумного собрата. Замечания и увещания лица высшего, достопочтенного, пример кротости его в самых огорчительных обстоятельствах, задушевные советы друга, собрата не могут быть врачевством против раздражительности разве только для тех, кто не имеет в себе ничего доброго.

Впрочем, «возмущение гнева, — замечает Преподобный, — имеет многие и различные причины. Потому нельзя назначить одно определенное врачевство для излечения его. И я даю такой совет, чтобы каждый из недугующих, применяясь к своей болезни, со всяким тщанием

пристойное изыскивал лекарство. Первое же врачество да будет то, чтобы узнать причину своей немощи, чтобы, по уяснении ее, Божиим содействием и советами духовных врачей, и приложить к ней целебный пластырь».

Степень IX

Первое и злейшее исчадие гнева есть памятозлобие. Несмотря, однако ж, на тесную связь между ними, даже после значительного ослабления первого последнее упорно остается в душе человека. Случается даже, что, по мере уменьшения раздражительности, человек становится еще более зол в душе, скрытен и памятозловив, так что для изгнания из души этого порока нужны особенные и притом напряженные усилия.

Памятозлобием Преподобный называет всякое скрываемое до времени неприязненное чувство к брату, не угодившему нам, начиная от едва заметного неудовольствия до упорной вражды, желающей и ищущей ему всякого зла. Поэтому подвиг этой степени требует не только того, чтобы человек не злобствовал и не враждовал на обидчика, не имел против него никакого неудовольствия, но имел своего оскорбителя как друга, как брата, любил его, как самого себя. Вот как рассуждает об этом преподобный наш учитель: «Полным торжеством над памятозлобием надо почитать не то, что мы начинаем молиться за опечаливших нас, или подарками умиловать их, или столом угощать, но то, если мы, видя их впадшими в какое-нибудь внешнее или душевное злополучие, будем соболезовать и плакать о них, как о себе самих».

Три средства против памятозлобия, как наиболее действительные, указывает св. Иоанн:

1) Молитву Господню, часто и со вниманием повторяемые слова которой: Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, — могут, наконец, устыдить злобствующего на своего брата и изменить расположение к нему.

2) Извинение перед врагом. Благотворное действие этого поступка наш учитель объясняет так: «Когда ты, много борясь с этой страстию (памятозлобием), колкого ее терния сокрушить не можешь, то, по крайней мере, устно извинись перед врагом своим, да, признавшись перед ним в долговременном своем притворстве, и будучи палим совестью своею, словно огнем, возлюбишь его совершенно». 3) Воспоминание страстей Христовых, которое может умягчить и умиливать сердце наше примером злостраданий Спасителя.

«Достигший девятой степени, — говорит об этой степени преподобный Иоанн, — дерзновенно да просит у Христа Спасителя разрешения грехопадений своих». Ибо Он ясно сказал: «прощайте, и прощены будете» ([Лк. 6:37](#)).

Подвиги против пороков языка

Степень X

В самой близкой связи с рассмотренными пороками находятся главнейшие пороки языка: от ненависти и памятозлбия происходит клевета, которая питается и поддерживается многоглаголанием, а это, в свою очередь, поддерживается ложью. Потому, вслед за подвигами против пороков сердца, преподобный Лествичник назначает борьбу с означенными пороками языка.

Клевета – бесстыдное и дерзкое восхищение прав, подобающих Единому Богу, так как всегда произносит суд на ближнего; это крайняя низость души, потому что люди большею частью клеветуют и осуждают других ложно или же в том, в чем сами виноваты (да еще и больше осуждаемых). Она более других грехов несовместима с покаянием, которое во всю жизнь должно быть совершаемо, по крайней мере в духе, всяким христианином, а по преимуществу иноком, и потому одна может ввергнуть человека в совершенную погибель.

Преподобный Иоанн под клеветою понимает не только то, когда приписывают человеку такие пороки, каких он вовсе не имеет, когда совершенно несправедливо порочат его честь, его добродетели, но также и всякое осуждение ближнего, порицание его недостатков, даже действительно существующих в нем. Поэтому настоящая степень требует не только удаления от всякого злоречия, но и стяжания духа совершеннейшего неосуждения. «Только тот восторжествовал над рассматриваемым пороком и совсем прогнал его от себя, кто до такой степени сделался неосудлив, что, даже своими очами видя согрешающего, не только не говорит, но и не думает ничего худого», — учит Преподобный.

Против духа клеветы и осуждения своего ближнего с успехом можно употреблять такие средства:

Во-первых, не слушать того, кто клеветает на собрата.

Во-вторых, больше, чаще и внимательнее рассматривать свои недостатки. Если бы кто сквозь завесу самолюбия пристально посмотрел на свои злодеяния, то никогда бы в жизни своей не имел попечения о делах другого, помышляя, что на оплакивание своих грехов не достает ему времени.

В-третьих, при виде согрешающего приписывать [грех](#) не ему, но подстрекающему на то диаволу.

Степень XI

Хотя немногие, может быть, непричастны клевете и осуждению, но, по крайней мере, всякий рассудительный человек почитает эти грехи очень тяжкими. Что же касается до многоглаголания и молчания, то большая часть людей первое почитает если не добродетелью, то, по крайней мере, делом безразличным, а последнее – если не пороком, то, по крайней мере, достойным сожаления недостатком. Не так рассуждает преподобный наш учитель.

«Многоглаголание есть седалище тщеславия». Кто не знает, что многоречием всякий думает высказать свое красноречие, свой ум, представить свою особу с выгодной стороны, заслужить себе похвалу и одобрение слушателей. «От многоглаголания утрачивается сердечная чистота и умиление, человеком овладевает рассеяние мыслей и непреодолимая лень ко всяким трудам и подвигам, а в особенности молитвенным». Все это по собственному опыту знает каждый, кто хотя бы немного внимателен к себе.

«Благоразумное же молчание есть надзиратель помыслов, побуждение к воспоминанию о смерти, сила душеспасительной печали, приращение ума, учитель размышлений, не замечаемый подвижником успех в добродетелях, неприметное на небо восхождение». Все это истина, познанная опытом многих подвижников. Отсюда можно видеть, в какой мере правы поборники многоглаголения и в какой мере нужно беречься его, а если оно уже успело овладеть кем-либо, то в какой мере нужно заботиться об искоренении этой слабости.

У преподобного Иоанна можно найти два к тому средства. Первое воспоминание о смерти и покаянное настроение духа, сетование о грехах: в таком расположении едва ли можно заниматься празднословием, если бы даже оно было только делом пустым, а не преступным вместе с тем. Второе – уединение: не с кем говорить – и по необходимости приходится молчать.

Степень XII

Третий грех слова есть ложь. Преступная сама по себе, она становится совершенно нетерпимой и унижительной по тем побуждениям и целям, которые чаще всего преследуют прибегающие к ней.

Один лжет для шутки, другой для того, чтобы возбудить в присутствующих смех, третий чтобы ближнему поставить сети и т.п. Зато и нет пощады лживым. Пророк Давид говорит: «погубиши вся, глаголющая лжу» ([Пс. 5:7](#)). От лжи могут отучать: невнимание к лживым речам, хотя бы и очень приятным, и даже обличение их; страх Божий, т.е. постоянное памятование того, что Бог слышит наши слова и что некогда мы должны будем дать отчет за каждое слово; обильный слезами плач о грехах: «вином опьяненный и поневоле всегда говорит правду; так и слезами умиления упившийся никогда не может солгать».

Нельзя не заметить, что обязанность пройти три последние степени лежит на всяком христианине без различия, а не относится к одним только инокам. Осуждение ближнего, многоглаголение, ложь ясно и положительно осуждаются Словом Божиим в каждом из христиан без всякого исключения. Святая Церковь всех без изъятия научает молиться: Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего! Господи и Владыко живота моего, дух празднословия не даждь ми!.. Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих! Не уклони сердце мое в словеса лукавствия!

Подвиги против пороков чрева, или похоти плотской

Степень XIII

К третьему разряду пороков Преподобный относит: необузданность чрева и происходящие от нее леность и нечистоту телесную. Но так как леность происходит и от многоглаголания, то подвиг против лености полагается Преподобным непосредственно после подвига против многоглаголания и прежде подвига против чревообъедения.

Леность не только не позволяет человеку делать ничего доброго, но, по выражению древних, есть мать всех пороков. Потому и Лествичник говорит: «Леность для инока есть его смерть». Недуг лености не менее смертоносен и для всякого христианина (См. [2 Сол. 3:6—12](#)).

Средства против лености: общее воспоминание наших грехопадений, память смертная и воображение будущих, уготованных нам благ; и частное – трудолюбие, рукоделие и [молитва](#). Впрочем, решительная победа над леностию может быть одержана только победою над недугом чревообъедения, от которого, как замечено выше, этот порок происходит и которым поддерживается.

Степень XIV

Ужасный и унижительный порок в человеке – это чревообъедение. Оно делает человека малоспособным и ко всяким занятиям, а тем более к занятиям благочестивым, расслабляет и как бы совсем подавляет наш дух, совершенно делая из человека животного. Одержимому этою страстью неизвестна чистая [молитва](#), так как помысл неводержного всегда оскверняется нечистыми представлениями, ему неизвестно умиление, так как пресыщение чрева иссушает слезные источники, неизвестны и непонятны высшие стремления духа к Богу, так как для неводержного бог – чрево. Уныние, празднословие, смехотворство, море нечистых помыслов и вожделений – вот самые обычные, неизбежные плоды чревоугодия! Порок чревообъедения иногда доходит до чудовищной алчности и жадности к пище. Случается, что чревоугодник, будучи физически не в состоянии вкушать много, желал бы, однако ж, поглотить все, что только ни видят его очи.

Наиболее общие и действительные средства против этого недуга, указанные святым мужем, состоят в следующем:

1) Благоразумный выбор рода и постепенное ограничение количества вкушаемой пищи. Преподобный Лествичник решительно не одобряет тех, которые, долгое время вкушая приятную и разнообразную пищу, хотят вдруг сделаться великими постниками и питаться одним хлебом и водою. «Это, – говорит он, – то же самое, как если бы кто-нибудь сказал, чтобы ребенок одним шагом взошел на самый верх лестницы». Он советует соблюдать осторожную постепенность, сначала отлучить от стола ту снедь, которая наиболее утучняет плоть, затем – ту, которая наиболее ее возжигает, и наконец, вкусное и сладкое. Что касается количества пищи, то он вовсе не возбраняет принимать ее в мере, достаточной для удовлетворения голода, точно так же, согласно писанным им правилам о качестве ее, он не отвергает употребления пищи удобоваримой. Правила строгого воздержания и поста даются не для того, чтобы терзать и мучить человека, но чтобы укротить восстания и разжигания плоти, чтобы содействовать ангелоподобной чистоте жизни человека^{[32](#)}.

2) Труды телесные. Бездействие телесное, если не может располагать к принятию пищи в особо большой мере, делает зато вредной пищу, даже в малом количестве употребляемую, оно

не позволяет ей перевариваться надлежащим образом. Непереварившаяся пища дает дурные соки, делает человека грузным и расслабляет его. Труд же телесный оказывает противоположные действия.

3) Наконец, общее для прогнания всех пороков нравственное средство – воспоминание и сетование о содеянных грехах и памятование смерти с представлением всего того, что за нею последует для человека.

Степень XV

Ближайшим и самым несчастным последствием необуздания чрева бывает рабство блудному греху. Зато первый благоуханный плод воздержания и поста есть уничтожение или, по крайней мере, ослабление действий блудного духа и стяжание блаженной и достолюбезной чистоты. Поэтому подвижнику всего естественнее и благонадежнее вступить на этот подвиг после того, как, перестав быть рабом своего чрева, он станет его полным господином. Чистота плоти и духа составляет главнейший обет иноков и труд всей их жизни. В чистоте их честь и слава и, наконец, венец победный.

Грехи против целомудрия – одни из самых преступных и непростительных грехов. Один Святой Отец преступнее их считал только убийство и отречение от Христа и ссылаясь в этом случае на соборные определения против них. Грех нецеломудрия – грех самый мерзкий и погубительный. Он сквернит все тело человека: «блудник грешит против собственного тела» ([1 Кор. 6:18](#)). Тело христианина должно быть чистым сосудом Духа Святого. Христианин должен быть един дух с Господом, а впадая в блуд, он становится един с блудодейцею и, таким образом, далеко отгоняет от себя Божественную благодать, далеко ниспадает от спасительного единения с Господом. Потому и апостол завещает «умертвить земные члены ваши: блуд, нечистоту» ([Кол. 3:5](#)).

Насколько низка и богопротивна похоть плотская, настолько же высока и боголюбезна противоположная добродетель – чистота, целомудрие. Поскольку Бог бестелесен и нетленен, постольку увеселяется Он чистотою и непорочностию нашего тела, так как ею мы уподобляемся Ангелам и даже Самому Богу. Потому некоторые Отцы чистоту называли даже совершенною святостию. Спаситель обещает этой добродетели награду наиболее близкого лицезрения Божия: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» ([Мф. 5:8](#)). Подвиг этой степени состоит не только в том, чтобы соблюдать свое тело в чистоте, но и в том, чтобы уберечь свое сердце от обольщения скверными пожеланиями и вожделениями, свою мысль – от нечистых помыслов и воображений, свою волю – от малейшей преклонности на сторону плотской похоти, сохранить всю свою душу непорочною и святою. Спаситель ясно сказал: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» ([Мф. 5:28](#)).

В любой брани, но особенно в борьбе с духом блудным, человек не может достигнуть победы одними своими собственными силами; и если где нужно всего ожидать и просить всесильной Божией помощи, то именно в настоящем случае. Дух этот глубоко пустил свои корни в наше естество, так что подвижнику нужно бороться с своею собственною природою. Этот нечистый дух, всегда присущий человеку, неотвязно мучит его, поводы и соблазны к преступным помыслам ожидают подвижника едва ли не на каждом шагу. Встреча с некоторыми лицами, вид иных предметов, звуки голоса, неосторожное прикосновение – все подчас может вливать в душу смертоносный яд нечистых помыслов и желаний и потом осквернить тело. Понятно, что против такого врага без особой помощи Божией ничего нельзя сделать. Не надо, однако же, пренебрегать и теми собственно человеческими средствами, которые внушают нам благоразумие и опыт подвижников, каковы: сердечное сокрушение, [пост](#), труд, смирение,

послушание, память смертная и молитва.

Подвиги против пороков похоти очес

Степени XVI и XVII

Преступная похоть очес обнаруживается вообще страстию к приобретению богатства и проявляется сребролюбием или любостяжанием, смотря по тому, к чему направлена. Против этих-то двух видов похоти очес назначается Преподобным брань на высоте шестнадцатой и семнадцатой степеней его духовной лестницы.

«Сребролюбец, – говорит Преподобный, – есть ругатель Евангелия, которое, равно как и все Слово Божие, требует нестяжательности от всякого христианина, а тем более от подвижника, обязавшегося искать высшего совершенства и давшего обет нищеты (См. [Мф. 6:20](#); [Лк. 12:21, 33](#); [Мк. 4:19](#); [1 Тим. 6:7, 10, 18, 19](#)). Сребролюбие есть дочь неверия в Промысл Божий, который дарует все нужное не только человеку, но и последнему из созданий. Сребролюбие есть идолопоклонство, так как ослепленный этою страстию чтит бездушный металл, отдавая ему все сердце свое и всю свою душу. Сребролюбие подавляет в подвижнике добрые семена благих дел и располагает к бесчисленному множеству самых дурных расположений и поступков. Ближайшими последствиями его бывают: утрата чистой, невозмущаемой молитвы, гнев, печаль, сварливость, ненависть, раздоры, памятозлобие и жестокосердие». Справедливо оно у апостола названо «корнем всех зол» ([1 Тим. 6:10](#)). То же самое должно сказать и о любостяжании, так как от сребролюбия оно отличается лишь тем, что у любостяжателя предметом неразумной привязанности бывают не одни деньги, но и другие вещи, составляющие богатство человека.

Впрочем, надо заметить, что сущность подвигов этих двух степеней состоит не в том, чтобы не иметь никакой собственности, а в том, чтобы не привязывать своего сердца ни к какому стяжанию. Нестяжательный инок не рассказывает всем и каждому о своих нуждах, — когда Бог посылает ему что-нибудь, он приемлет; только о полученном и находящемся у него имении думает так, как бы у него совсем его не было. Однако в учении об этих подвигах нельзя найти поощрения праздности и совершенной беспечности о своем пропитании. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – говорит апостол ([2 Сол. 3:10](#)), собственные руки которого послужили не только его нуждам, но и нуждам бывших с ним ([Деян. 20:34](#)).

Как средства против сребролюбия и любостяжания, преподобный Лествичник указывает: послушание, непоколебимую веру и памятование смерти, соединенное с попечением об отдании отчета в своих делах по смерти.

Подвиги против пороков духовных

Степень XVIII

Переходя к подвигам чисто духовным, преподобный Иоанн предписывает инокам, прежде всего, борьбу с холодностью души в отношении к спасению. Случается иногда, что подвижники, с некоторым успехом совершив низшие подвиги против пороков своей чувственной природы, почитают труд свой почти окончанным и для себя достаточным, если они удержатся на высоте, достигнутой ими, и потому нечувствительно впадают в ту теплохладность, которая так строго осуждается в Апокалипсисе и от которой только один шаг до совершенной бесчувственности. Для христианина хуже состояния сердечной нечувственности едва ли можно что-нибудь и придумать!

Что такое она представляет? «Нечувствительность сердца, – говорит Преподобный, – есть крайнее небрежение», есть род внутренней непобедимой лени, по которой человек, зная свои обязанности, не исполняет их, вполне понимая всю опасность своего положения, даже сожалея о ней, однако же не хочет заставить себя исправиться. «Нечувственный сам на себя сердится, но, по привычке своей, опять возвращается к худому, гневается несчастный, что он так поступает, и собственных своих слов не стыдится. Языком себя бранит, а делом защищает. При воспоминании о разлуке души с телом вздыхает, но сам во всю жизнь дремлет, как будто бы он вечен. О бдении разглагольствует, но тотчас в сон погружается. Хвалит молитву, но сам от нее, как от бича, убегает, а если и молится, то бывает всегда холодным и как бы покрытым какою-то непроницаемою мглою, которая не позволяет его уму горняя мудрствовать; даже к Таинству Евхаристии приступает без всякого сердечного умиления, как будто вкушает простой хлеб и простое вино, и совсем заграждает себе путь к дальнейшему восхождению добродетельному». Одним словом, нечувственность сердечная есть как бы [смерть](#) духовная. Поэтому-то подвиг против этого злого недуга душевного и полагается в Лестнице среди подвигов против пороков духовных.

Заметим здесь, что подвиг этой степени в высшей степени необходим не только для иноков, но и для мирян, и даже преимущественно для мирян, потому что порок, против которого он направлен, является между ними наиболее общим и встречается между ними гораздо чаще, чем между иноками, хотя и несколько в другом виде. Относя всю святость ко внешней честности, многие миряне мало заботятся об исправлении своего сердца, об устройении своей внутренней жизни по правилам святой христианской нравственности.

Победить душевную холодность и беспечность и стяжать столько ревности к своему спасению, чтобы не отступать перед самыми сильными искушениями и не терять бодрости духа даже после поражений, можно, по мнению Преподобного, страхом Божиим, частым размышлением о последнем суде, напряженной и усердной молитвою и многим бдением.

Степени XIX и XX

Двумя последними средствами – молитвой и бдением — особенно поддерживается жизнь духовная и ослабляются пагубные последствия сердечной нечувственности. Поэтому усердное упражнение в молитвенных предстояниях и бдение указываются в Лестнице как особые подвиги двух следующих степеней.

Вместо всяких рассуждений о вредных последствиях небрежности в молитвенных предстояниях преподобный Иоанн только описывает, как она обнаруживается в иноках. Одного

этого достаточно, чтобы возбудить к ней отвращение, настолько жалкими являются иноки, подверженные ей. Главное средство, при помощи которого можно избежать всех видов небрежности, рассеянности и непристойности во время молитвы, есть живое и непрестанное памятование, что молясь мы предстоим лицу Божию.

Бдение состоит не только в сокращении сна, но и в том, чтобы сбереженное таким образом время было посвящено на дела полезные и благочестивые. «Рассмотрим, — говорит преподобный Иоанн, — как поступаем мы, когда бодрствуем на вечерних, дневных и ночных предстояниях». И продолжает: «Некоторые при вечерних и ночных молитвах воздевают преподобные свои руки, другие поют псалмы, иные упражняются в чтении Св.Писания, иные противоборствуют сну посредством рукоделия, а другие углубляются в размышление о смерти. Бог принимает все эти дары и ценит их, смотря по мере их и усердию приносящего». Вот как описывает он плоды бдения: «Бодрость очищает мысль, бдением очищается память, а излишний сон наводит на человека забвение и омрачает его душу. Внимай себе трезвенно после молитвы, и ты увидишь целые толпы бесов, нами побежденных, которые после молитвы стараются осквернить нас непристойными воображениями».

При этом нельзя умолчать, что подвиги стояния молитвенного и бдения ясно заповеданы Иисусом Христом для всех христиан. «Бодрствуйте, молитесь!» ([Мк. 13:33](#)). «Смотрите... за собой,...бодрствуйте на всякое время» ([Лк.21:34, 36](#)), — говорил Он своим ученикам, а в лице их и всем нам. Подвиги эти освящены и собственным Его примером. Он оставил нам образ да все, по мере сил, последуем стопам Его. Занятия, которых требует истинное и душеполезное бдение, могут казаться совершенно неудобными в мирском быту только для тех, кто любит мир более, нежели Бога, и отвращается от всякого труда ради своей души и ради Бога.

Степень XXI

Духи злобы всячески стараются отнять или сокрушить это столь страшное для них оружие, всячески стараются воспрепятствовать подвижнику в его подвигах молитвы и бдения. С этой целью они наводят на душу подвижника различные страхования — искушение, ничтожное для имеющих дух мужественный, но губительное для малодушных и боязливых. Они делают совсем неспособными совершать молитву келейную и сохранять бдение в ночное время, а иногда даже и днем. Всякий внезапный случай, один шорох, своя собственная тень, пустота места смущают их душу, пугают воображение и отвлекают мысль от благочестивых занятий. Победоносную борьбу против этой истинно детской слабости преподобный Лествичник полагает в двадцать первой степени своей духовной лестницы.

Страх боязливых преподобный Иоанн объясняет недостатком живой веры в Бога и излишней самонадеянностью. В ком нет твердой и живой веры в то, что без воли Бога и Отца нашего не может с главы нашей и один волос упасть, что Он хранит вхождение и исхождение наше, ограждает нас от всякого зла, тому остается верить только в свои силы, на себя одного надеяться, для него нет «помогающего», «нет спасающего» ([Пс. 106:12](#); [2 Цар. 22:42](#)) в случае великой беды. Но в то же время он не может скрыть от самого себя крайней слабости своих сил пред темными силами ада, непрестанно воюющими на человека. Вот источник его боязливости! Христианину вовсе неприлично и неизвинительно поддаваться этому жалкому чувству и тем радовать духов злобы. Сколько дано ему залогов самой заботливой, отеческой о нем попечительности Божией, направленной именно к тому, чтобы предохранить его от злых наветов вражиих!

Средства против напрасной боязливости и малодушия преподобный Иоанн предлагает такие: не переставай в самую полночь ходить в такие места, в которых ты боишься быть;

призывай чаще имя Христово и вообще молитвою вооружайся против душевных супостатов; плачь о грехах своих и отложи всякие земные попечения. Сила этого последнего средства заключается в том, что страх ответа за грехи пред неумолимым правосудием Божиим изгоняет всякий другой страх, а оставление всяких попечений ставит подвижника в такое положение, в котором ему не за что бояться, хотя бы и случилось с ним какое-либо несчастное обстоятельство: он ни к чему не привязан.

Между мирянами, по самому образу их жизни в обществе, должна реже встречаться слабость, о которой идет речь, чем между ведущими жизнь уединенную. Однако, и в мире есть множество робких и суеверных душ, которые иногда более страдают от напрасной боязливости и страха, чем какой-нибудь отшельник в уединении. Так как и в них такая боязливость есть плод маловерия и немалое (по крайней мере, в некоторых случаях) препятствие в благочестивых занятиях, потому и им нужно всячески стараться освободиться от этой слабости. Средства, указанные для этого Преподобным, и для мирян являются самыми лучшими.

Степень XXII

Впрочем, боязливость есть только самое первое и самое малое из внутренних духовных искушений, и борьба с ним есть только начало предстоящих страшных духовных браней. Не успев лишить подвижника оружия, наилучшего в духовной брани, враг, если продолжить сравнение, старается вселить в воина Христова дух измены, старается, мало-помалу, незаметно влить в подвижника суетное желание и заботливость, да благо рекут о нем человецы, т.е. старается возбудить в нем тщеславие. Когда он поддается этому искусительному желанию, то, очевидно, все будет делать для себя, а не для Бога, для похвалы и славы своей, а не Божией, к чему он призван и на что дал особую клятву при Крещении и в иноческих обетах, и, следовательно, становится изменником пред величием Божиим. Не нужно доказывать, что это великий порок, он губит плоды всех прежде совершенных подвигов и добродетелей, отнимает награду за труды, которые совершает и собирается совершить подвижник, и призывает на него страшный гнев Божий. Не напрасно Спаситель сказал: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» ([Лк. 6:26](#)).

Указывая в борьбе с этим пороком подвиг двадцать второй степени, Преподобный требует от подвижника не только того, чтобы он изгнал из своего сердца всякую тщеславную мысль, но чтобы с радостью переносил всякого рода поношения и уничижение; только в таком случае будет видно, что подвижник на самом деле совершенно преодолел дух тщеславия. Надо, однако же, сказать, что борьба с этим нечистым духом крайне трудна. Так как здесь человеку нужно бороться со своим собственным я, тем я, которое так самолюбиво не видит и не хочет видеть своих недостатков, которое так нам любезно, даже и при явных слабостях.

Чем более стяжает инок добродетелей, тем более он подвергается опасности нападения духа тщеславия. Благополучно совершившему начало многотрудных и болезненных подвигов, по человеческому рассуждению, весьма извинительно и естественно чувство некоторого самодовольства. И чем выше и многочисленнее подвиги, тем это чувство естественнее и сильнее в подвижнике. Но да сохранит любовь Божия подвижника от искушения делать с самоуслаждением обзор совершенных им дел! Самодовольство, от этого обзора происходящее, есть уже семя тщеславия, которое из него непременно и весьма быстро развивается. С другой стороны, по мере того, как подвижник начинает являть некоторые успехи в жизни духовной, находят люди, которые начинают расточать ему похвалы, удивляться ему, и тем неизбежно возбуждают в нем тщеславие. «Великого труда, – говорит преподобный Иоанн, – стоит отразить от своей души похвалу человеческую»; или в другом месте: «Сносить обиды свойственно людям

возвышенной души, а слушать похвалу без всякого чувства свойственно одним святым и непорочным».

Нападения других страстей бывают более явны, и потому борьба с ними удобнее, но порок тщеславия неуловим, он незаметно примешивается к каждой нашей мысли, к каждому поступку и, как яд, отравляет их. Так описывает его преподобный Иоанн: «Когда, например, я храню [пост](#), в то время тщеславлюсь, когда же, для утаения от людей поста своего, разрешаю на брашно, то опять о благоразумии своим тщеславлюсь. Одевшись в светлую одежду, побежден бываю от любочестия. Говорить ли стану – тщеславию обладаю, молчать ли захочу опять ему предаюсь. Как ни брось этот треножник, все он будет острием кверху».

Однако ж, как ни силен этот нечистый дух, с помощью Божиею можно преодолеть его. Нужно только не забывать и не ослаблять тех средств, которые указываются преподобным Иоанном против всякого душевного недуга. Это – усердная молитва к Богу, Единому Врачу душ наших; живое и непрестанное памятование нашей смерти и будущего беспристрастного, грозного суда над нами, и еще более Страшного суда всеобщего при кончине мира; соединенное с глубоким сокрушением сердца воспоминание о своих грехах: «Когда кто-либо начнет хвалить нас, мы будем всякий раз почитать себя недостойными этих похвал, и таким образом не допустим в сердце свое прокрасться чувству тщеславному», — правило, весьма полезное и для мирян. Всякому в своем круге, а особенно поставленному над другими на некоторой высоте, приходится слышать льстивые речи, незаметно разжигающие тщеславное чувство, которое, однако ж, преступно не только в иноке, но и в каждом христианине. Чтобы похвала не могла омрачить и отуманить голову, ближайшее, легчайшее и вернейшее к тому средство для мирского человека – постоянно помнить свои недостатки и почитать себя недостойным похвал.

Степень XXIII

Если же подвижник, допустивший тщеславному чувству вселиться в себя, не будет стараться истребить его или же станет делать это только вполсилы, не со всем усердием и самоотвержением, то скоро горько будет оплакивать свое небрежение: он и не заметит, как душою овладеет погибельный сатанинский дух гордости. Не ослабляемая всеми мерами заботливость о славе людской скоро произведет в тщеславном подвижнике желание стать выше других; не отвергаемые, а, напротив, с услаждением выслушиваемые похвалы льстецов незаметно породят в нем убеждение, что он и действительно во многом превосходит других.

Впрочем, гордость – такой порок, который обуревает не только не устоявших в борьбе с духом тщеславия, но и тех, кто мужественно и победоносно ее выдерживает. Враг нашего спасения, озлобляемый успехами подвижника и быстрым его приближением к высшему совершенству, насылает на него самое лютное искушение – свой собственный дух, дух гордости, которым и усиливается низринуть его с высоты добродетелей в бездну греховную. Для этого враг самые успехи подвижника употребляет как оружие против него, стараясь надмать ими его сердце. Потому, во всяком случае, уступил несколько подвижник тщеславному чувству или преодолел его, за борьбою с этим искушением его ожидает брань с духом гордости, брань, которая поэтому составляет предмет двадцать третьего подвига в Лестнице нашего святого учителя.

«Дух гордости, – говорит преподобный Кассиан, — самый лютый, свирепее всех прочих. Он лют по своим последствиям, по тому расстройству, которое вносит в душу, открывшую ему в себя вход; лют и по тому упорству, с каким он остается мучить ее, несмотря на самые крайние усилия подвижника к его прогнанию».

Презрение к другим, желание уничивать, осуждать своего собрата при всяком удобном

случае, гнев, жестокосердие, совершенное отсутствие всякого сострадания, удаление от благодатной помощи Божией, а потом ослепление ума, бесплодие душевное, смерть духовная – вот те главнейшие горькие плоды, которые прежде всего и притом с быстротою невообразимую производит в душе человека запавшее в нее горькое семя гордости. Впрочем, ко всем этим печальным последствиям, раньше или позже, более или менее, может привести и всякий другой порок.

Собственное же и мучительнейшее для подвижника порождение гордости составляют неизъяснимые хульные помыслы. Она, как порок демонский, вселяет в душу человека и воцаряет в ней самого диавола, который старается сообщить ей свои собственные свойства, а известно, что для диавола богохульство есть потребность и наслаждение. Вот почему гордость почитается и есть причина хульных помыслов!

Состояние подвижника, когда эти помыслы начинают овладевать его душой, есть состояние самое безотрадное, жалкое и опасное. Непостижимым для него самого образом, совершенно внезапно, являются в его душе какие-то непотребные и бесстыдные представления, приходят на память и не отходят какие-то непристойные слова, пробуждаются в уме какие-то странные, богопротивные мысли, хуления против Самого Бога и всего Божественного и священного.

И, что всего бедственнее, подобные помыслы наиболее нападают и смущают подвижника во время молитвы, даже при совершении бескровной Жертвы. «Это искушение, — говорит св. Лествичник, — многих отвлекло от молитвы, многих иссушило печалию, изнурило голодом, не давая ни малейшего покоя, у многих отняло всякую надежду на возможность спасения и таким образом сделало их хуже и бедственнее всякого безбожника и язычника».

Чрезвычайно легко прививаясь к каждой душе, гордость, между тем, изгоняется только невероятными усилиями. Истинное несчастье гордеца состоит в том, что его страсть совершенно ослепляет его. Думая о себе слишком много, он даже находит себя еще очень скромным в суждении о себе. Чтобы открыть глаза ослепленному гордостью, преподобный Лествичник указывает несколько признаков, по которым можно узнать присутствие в человеке этого порока, каковы: крайнее тщеславие, бесстыдное проповедание собственных своих достоинств, желание похвал, хвастовство своею добродетелью, нетерпение обличений, любовь к противоречиям и желание начальства. А так как все эти признаки гордого духа более всего проявляются при прохождении послушания, под строгим присмотром и при упражнениях, то преподобный Лествичник и советует употреблять последние как средства сокрушения гордости в иноке. Впрочем, эти средства, по выражению самого преподобного Иоанна, дают только некоторую надежду ко спасению. Одного сознания в пороке недостаточно. Более надежная и действительная против него мера состоит в том, чтобы высоко о себе мечтающий дошел до убеждения, что ему вовсе нечем гордиться, а, напротив, много есть причин смирять себя.

Гордость питается в человеке какими-то высокими природными и благодатными дарованиями, совершенными им подвигами и добродетелями, то есть, вообще всем, что каким бы то ни было образом отличает его от других людей. Сообразно с этим преподобный Лествичник советует:

а) Помнить, что самые наши добрые дела суть дар Божий, так как только при помощи Его благодати мы можем совершать их. А возноситься чужими украшениями недостойно и безумно. «Ты мог бы, — говорит он, — возноситься теми добродетелями, которые бы ты совершил или до своего рождения, или без помощи разума и тела, так как и бытие, и разум, и самое тело – все это дар Божий».

б) Не забывать, что конец венчает дело и что неизвестно еще, не погубим ли мы награды за подвиги целой нашей жизни каким-нибудь поздним падением. В Евангелии есть пример, что некто и на браке возлежал, но после по рукам и ногам был связан и во тьму кромешную

ввержен.

в) Читать книги, повествующие о добродетелях Святых Отцов, подвиги которых кажутся превышающими самую природу. «Если мы сравним свои дела с делами этих великих светильников, то найдем, что мы еще и не вступали на путь их тщательного жития, и обета своего не соблюли, как бы следовало».

г) Постоянно иметь в памяти свои грехопадения. «Гордость, – говорит Преподобный, – рождается от забвения своих грехопадений, и напротив, от памятования их снискивается смиренномудрие».

Воспользовавшись надлежащим образом всеми этими советами, инок, да и мирянин, может подавить слепое и неразумное высокое мнение о себе. Но горький плод этого порока нередко остается еще и после его уничтожения.

Показанными средствами не всегда можно избавиться от нечистых и хульных помыслов. Для прогнания их нужны особые средства, тем более, что эти помыслы иногда обуревают душу независимо от гордости, они весьма часто входят, по словам св.Иоанна, в простейшие и непорочнейшие сердца, которые более всех других этим беспокоятся и смущаются.

Важнейшее средство против этих смущений очень просто. Нужно только принимать эти демонские внушения именно за демонские и, не унывая, отгонять их молитвою.

«Никто, – говорит Преподобный, – не почитай себя виноватым в этих злохулительных помыслах. Сердцеведец Бог знает, что эти нечистые помыслы не наши, но душевных наших супостатов. И потому за них не осудит нас. Кто этого демона (нечистых помыслов) за ничто вменяет, тот освобождается от хулительных мыслей». Если же эти злохуления в сердце нашем таятся и питаются, то это вооружает против нас диавола и злые помыслы так сильно, как ничто другое. Поэтому надо немедленно открывать хульные помыслы отцу духовному.

Часть III. Подвиги обновления духа

Но не здесь еще конец всем трудам подвижника. И горе ему, если он этим ограничит свою деятельность, на этом остановится и успокоится. Впереди ожидает его еще труд восстановления в своей душе поврежденного грехом образа Божия. По слову апостола, христианин-подвижник должен не только «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях,... но и обновиться духом ума своего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» ([Еф. 4:22—24](#)). Надо, чтобы не только была очищена душа христианина, но и обновлен и восстановлен в ней образ Божий.

Образ Божий явлен нам в Господе нашем Иисусе Христе (См. [Флп. 2:6—7](#)), в Котором просияло всякое исполнение Божества телесно – во плоти. И «кого предузнал» (Господь), «тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего» — Спасителя нашего ([Рим. 8:29](#)). Образовать душу по образу Божию, восстановить в ней его – значит не что иное, как изобразить и вселить в ней Христа, значит подражанием Его святейшим свойствам достигнуть «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» ([Еф. 4:13](#)).

Христианин-подвижник должен обновить всю свою душу, всем ее силам и способностям должен дать иное, богоподобное направление, иные, богоподобные начала деятельности, так как всю ее проникла греховная порча. Но как прежде, при перечислении подвигов самоочищения преподобный Лествичник называл только грехи важнейшие, коренные, так и здесь в ряд подвигов самообновления он поставляет только подвиги обновления начальных, коренных сил души: ума, воли и чувства. С изменением направления основных сил души естественно должно измениться направление и прочих подчиненных им способностей души.

Преподобный Лествичник начинает с сердца.

Обновление сердца

Степени XXIV и XXV

Нужно припомнить, что преподобный Иоанн в своей Лестнице держится порядка практического. А в жизни сердце – главный источник наших действий, как добрых, так и злых (См. [Мф. 12:35](#). [Мф.15:19](#); [Притч. 4:23](#)). Следовательно, с сердца и должно начинать дело духовного обновления: при перемене сердца на доброе, можно сказать, изменится вся душа.

Испорченность нашего сердца обнаруживается более всего: в богопротивных чувствах к другим людям, — не будучи согрето теплотою христианского расположения, оно является к ним нелюбящим, раздражительным, гневливым, мстительным и т.д.; в не менее богопротивных чувствах к нам самим, началом которых в этом случае служат самолюбие и гордость.

В этих-то двух отношениях сердце наше и требует обновления и изменения его чувств и расположений на чувства, обитавшие в Божественном сердце Спасителя. Господь [Иисус Христос](#) Сам свидетельствует, какими чувствами Он был исполнен, когда, предлагая Себя нам в пример для подражания, говорит: «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» ([Мф. 11:29](#)). Поэтому Преподобный советует подвижнику, желающему богоподражательно украсить свою душу, стяжать любвеобильную кротость и «боголюбезное смирение».

Святая кротость состоит в благодушном перенесении обид и неприятностей всякого рода. Это расположение совершенно противоположно тому свойству растленного сердца, которое называется гневом или раздражительностью, и истребление которого, как мы видели, составляло первый подвиг самоочищения. Истинная кротость состоит не только в том, чтобы не платить злом обидчику, не показывать на него неудовольствия только наружным образом, но чтобы даже в глубине души своей не чувствовать огорчения на обижающего, — напротив, неизменным сохранять чувство христианской любви к нему, и чем больше он обижает нас, тем усерднее молиться за него. То есть, кротость должна быть искренней, исходящей из простоты сердца и без всякого лукавства и лицемерия. Подвижник в этом случае должен подражать простоте и безыскусственности детей, по слову Самого Господа: «если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» ([Мф. 18:3](#)).

Редко можно найти кротость в этом чистом виде, большею частью к ней примешивается некоторое начало лицемерия и лукавства. С той целью, чтобы не оставались в заблуждении по поводу истинного состояния своего сердца те, в кротости которых еще присутствует нечистая примесь, и чтобы побудить их а с ними и других совсем изгнать эту примесь из своих душ, Преподобный описывает свойства лицемерия и лукавства.

«Лицемерие есть положение тела, противное расположениям души. Лукавство есть отвержение прямого сердца... притворное поведение... двусмысленные слова, глубоко скрытное сердце, неприметное коварство, обычная ложь... природная гордость, враг смирения, притворное покаяние... ложная проницательность, по которой лукавый воображает, будто он из слов и телодвижений прямо понимает мысли других, глупость представлять себя печальным, притворная набожность, — словом, она есть дьявольская жизнь. Лукавый дьяволу соименник и собеседник, — един дух с дьяволом».

Для того, чтобы человек лукавый переменился и стал простосердечным, нужно много трудов и усилий. Как наилучшие в этом деле средства, Преподобный указывает совершенное уклонение от рассеяния, послушание и хранение уст. Преподобный находит, что стяжание простосердечия особенно затруднительно для того, кто владеет некоторыми познаниями и занят ими. «Мудрость, — говорит он, — надмевает, а невежество некоторым образом смиряет, и, таким

образом, как первая заграждает, так последнее пролагает путь простосердечию. Как «трудно богатому войти в царство небесное» ([Мф. 19:23](#)), так трудно и самонадеянным мудрецам века сего – стать простосердечными». Средство, которое может уничтожить или, по крайней мере, ослабить это препятствие: «Старайся сам своей мудрости посмеиваться. Если будешь поступать таким образом, то и спасение, и правоту сердца себе приобретешь». Это стоит заметить многим инокам, вступившим на путь креста и самоотвержения с большим или малым запасом познаний, стоит заметить и всякому христианину, более или менее вкусившему книжной мудрости.

Переходя к подвигу смирения, преподобный Иоанн останавливается на нем с особенною любовью и не находит слов, чтобы достойно восхвалить «боголюбезное смирение», даже чтобы надлежащим образом описать его. Он называет смиренномудрие «безымянным души дарованием, именуемым только теми, которые в нем искусились».

Не причисляя себя к разряду их, он старается дать понятие об этой высокой добродетели словами не своими, а чужими, т.е. словами тех, кто в ней искусен. Из этих слов видно, что смирение есть черта сердца, совершенно противоположная той (подразумевается гордость), какую налагает на человека завладевший им демон, что смирение состоит в самом уничиженном о себе понятии, и не только в понятии, но и в сообразном с ним поведении – во всех случаях, перед Богом и людьми.

Такое расположение, осуществляемое и в самой жизни, влечет за собою неисчислимое множество добродетелей. Преподобный Иоанн не усомнился сказать, что истинно смиренный человек не подвержен никакому пороку. Этого мало. Как свойство богоподражательное, смирение на высшей степени своего развития «озаряет сердце подвижника неизреченным светом присутствия Божия».

Средствами к снисканию этой добродетели преподобный Лествичник полагает:

1. Самоиспытание. Кто хочет достигнуть смирения, то пусть не перестает входить в свою совесть, пусть непрестанно и беспристрастно рассматривает все свои поступки, слова, мысли, намерения, правила и замыслы. Силу и действенность этого средства нельзя не видеть с первого раза. Если смирение есть уничижение себя в своих собственных глазах, то испытание своей совести — лучший к тому способ, так как оно может открыть во всей наготе всю духовную бедность и нищету человека, всю его нечистоту, растленность и безответность пред Богом, всю слабость и несостоятельность его собственных сил во всяком деле, а тем более в деле спасения души.

2. Впрочем, для достижения смирения недовольно усмотреть и сознать в себе недостатки, немощи, крайнюю склонность к искушениям, а надо содержать все это непрестанно в своей мысли, всегда помнить, всегда, так сказать, иметь пред своими очами все прошедшие свои грехи, проступки и свою безответность за них пред правосудием Божиим.

3. Чтобы яснее и поразительнее видно было наше недостойнство, полезно при рассматривании своей совести не упускать из мысли то, к какой Божественной святости мы призваны, какие высокие добродетели должны и могли бы стяжать при богоданных нам силах, дарованных «для жизни и благочестия» ([2 Пет. 1:3](#)). А чтоб не успокаивать себя тою мыслию, будто и все другие не лучше нас, полезно свою жизнь поставлять в сравнение со святою жизнью угодивших Богу и прославленных подвижников, даже с жизнью еще подвижающихся с нами.

4. Между более внешними средствами к достижению смирения преподобный Лествичник отличает особенно послушание и убогое состояние, при котором для самого пропитания своего нужно бывает пользоваться сторонней помощью, потому что оба эти средства сокрушают в нас всякое чувство гордости и таким образом пролагают путь истинному смиренномудрию.

5. А более всего надо просить Господа Бога, чтобы Сам Он Своею вседействующею

благодатию исполнил сердца наши духом смиренномудрия^{[33](#)}.

После исправления и достижения хриstopодражательного настроения сердца подвижника, св. Лествичник на следующих трех степенях указывает ему путь к обновлению и другой силы душевной – ума.

Назначение этой силы состоит, главным образом, в том, чтобы она была для души нашей, как духовное око, как свет на пути нашем, чтобы она руководствовала нас к святой деятельности по воле Божией, указывая нам безошибочно, «что... истинно, что честно, ...что достойно» ([Фил. 4:8](#)), давая нам разуметь, «что есть воля Божия» ([Еф. 5:17](#)); чтобы была, так сказать, царем в нашей душе, управляя всеми ее силами, как высшими, так и низшими, благоустроивала и приводила в должный порядок их деятельность, особенно бдительно надзирая за способностями, непосредственно ей подчиненными: памятью, воображением, рассудком; в том, чтобы непрестанно возносилась к своему Первообразу, созерцала Его бесконечные совершенства и пребывала в Его свете.

Между тем, вследствие падения наш ум является обложенным густою мглой, которая отнимает у него способность ясно различать добро и [зло](#). Оттого даже и добрые наши действия большею частию бывают такого рода, что в них всегда есть примесь зла. Только говорится, что ум – царь в голове, а на самом деле он далеко не всегда имеет законную власть в нашей душе. Все ее силы очень часто действуют совсем независимо, а иногда и прямо вопреки уму, являясь исполнителями требований не его, а чувственности. С высоты светлой области мира духовного, с высоты богосозерцания, куда бы должен был наш ум устремлять свои полеты и где бы должен витать постоянно, ниспал он в дольную область мира душевного, плотского, чувственного, в понятия которого теперь и возвращается.

Поэтому подвижник, желающий обновить свой ум, возвести его к первоначальному достоинству, силе и значению, приблизить его к уму Божественному, должен: во-первых, возвратить себе утраченную способность со всею точностию различать добро и зло; как лучшее средство к тому, или как самое стяжание этой драгоценной способности, преподобный Лествичник назначает в подвиге двадцать шестой степени занятие рассуждением о помыслах, пороках и добродетелях, и притом рассуждением благорассмотрительным, т.е. глубоко внимательным и тонким; во-вторых, возвратить уму утраченные права управления силами души и благоустроения их деятельности, чтобы внутренняя жизнь шла тихо и безмятежно; как надлежащее средство к достижению этого Преподобный назначает подвижнику подвигом двадцать седьмой степени безмолвие; в-третьих, извлечь ум из нечистой и греховной бездны и устремить взор его к невечернему свету, к Солнцу правды; средство и вместе с тем самое действие возношения ума к горнему миру, на высоту богосозерцания, кроме постоянного памятования всеприсутствия Божия, есть молитва. Поэтому Преподобный упражнение и обучение в ней и назначает подвигом двадцать восьмой степени.

Определяя полнее сущность подвига, указываемого на двадцать шестой степени духовной лестницы, Преподобный говорит: «Рассуждение на низшей степени есть некоторое чувство ума, которое непогрешительно отличает истинное добро от блага естественного и тому противоположного; а в совершенных оно есть знание, которое светом своим и в других сердцах может разогнать темноту». Или же: «рассуждение состоит в том, чтобы точно понимать волю Божию во всяком времени, месте и поступке, чтобы познать, какие действия соответствуют благой воле Божией и какие примешиваются к порокам, а потому и противны Божией святости». Одним словом, это

тот самый дар премудрости, то духовное разумение, которого апостол испрашивает у Бога и в котором заповедует преуспевать христианам: да даст вам Бог «Духа премудрости и откровения... и просветит очи сердца вашего» ([Еф. 1:17—18](#)). «Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые. Не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия» ([Еф. 5:15, 17](#); [Рим. 12:2](#)). «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетние» ([1 Кор. 14:20](#)).

Чтобы достигнуть такого ведения, по мнению преподобного учителя, подвижник должен умертвить в себе своевольные желания, так как до тех пор, пока человек хочет творить свою волю, воля Божия не может быть познана им хорошо; с чистою верою и простотою молиться Господу, чтобы Сам Он научил его «творити волю Свою» ([Пс. 142:10](#)); поучаться в законе Господнем как можно чаще, так как «закон Господень... просвещает очи, умудряет младенцы» ([Пс. 18:8—9](#)); затем, читать книги, повествующие о подвигах Святых Отцов, так как их примеры и подражание им могут научить нас многому; наконец, отложив всякую гордость, со смирением испрашивать у отцов и братии советов и преподаваемые от них советы принимать, как из уст Самого Бога исшедшие.

Рассматриваемой степени преподобный Лествичник посвящает очень много места в своей книге. Не довольствуясь сухим понятием о рассуждении или различении добра и зла, не довольствуясь и указанием средств к стяжанию такой способности, Преподобный для большего вразумления подвижника предлагает многочисленные опыты самого этого рассуждения, подвергает суду разные помыслы и поступки и определяет их нравственное достоинство: добрые ли они или злые; если же некоторые из них сами в себе могут быть и тем и другим, то — в каком случае они будут сообразны со святою волею Божиею, и в каком — нет. По этому случаю он высказывает множество полезнейших истин для подвижника. Но цель сочинения не позволяет нам изложить здесь эти прекрасные опыты³⁴. Поэтому мы и переходим прямо к следующей степени.

Предметом двадцать седьмой степени преподобный учитель назначает безмолвие, как средство усмирения помыслов и приведения в благой порядок вообще деятельности сил душевных и восстановления в душе владычества разума. Действительно, безмолвие есть лучшее к этому средство. «Безмолвие, — говорит Преподобный, — есть познание и благоучреждение движений и чувств телесных, безмолвие есть знание своих мыслей».

В любителе безмолвия ум бывает мужественный и строгий, который, стоя при дверях сердца его, недремлющим оком ловит все входящие в него худые помыслы, или отгоняет их, или убивает. Разумеется, осязательно этого доказать нельзя. «Но кто с усердием безмолвствует, — продолжает преподобный учитель, сам глубоко изведавший жизнь безмолвную, — тот понимает это предложенное нами мнение». В другом месте он говорит: «Свойства проходящих разумно безмолвную жизнь, суть следующие: неволнующийся ум, чистая мысль, восхищение ко Господу и расположенность к размышлениям о Божественных предметах, рассудительность». «Упражнение в безмолвном житии есть приведение сердца своего к тому, чтоб оно мыслями не расхищалось». Потому-то и апостол не просто предписывает, но даже умоляет христиан — «усердно стараться о том, чтобы жить тихо», т.е. безмолвствовать ([1 Сол. 4:11](#)).

Безмолвие может быть двух родов: как особенный образ жизни иноческой, состоящей в постоянном и совершенном уединении, в удалении даже от общения иноческого; и как частное правило жизни, которое может выполнять и всякий ревнитель благочестия и которое состоит в возможном удалении от всего, что может развлекать и рассеивать. Та цель, для которой безмолвие предлагается здесь подвижнику, в полной мере достигается только безмолвием первого рода, которое называется отшельничеством. Потому Преподобный, говоря о безмолвии, и имеет в виду безмолвие именно такого рода.

Это, однако ж, не значит, что отшельничество безусловно необходимо для всех и каждого, кто только желает освободиться от бури помыслов. Будучи само по себе средством к тому вернейшим, оно может иногда оказываться средством погибельным, так как жизнь безмолвная соединена с крайними затруднениями и опасностями, преодоление которых не всякому может быть по силам.

«Безмолвие, – говорит Преподобный, – неискусных людей погубляет». Поэтому оно может быть полезно только для немногих, уже преуспевших, а для большей части лучше вовсе не прибегать к столь опасной мере, чтобы не сделаться для врагов своих предметом смеха, а для прочих подвижников предметом соблазна. «Никто да не дерзает направлять своих стоп к безмолвию, когда он еще подвержен гордости, лицемерию и памятозлобию, чтобы вместо ожидаемой пользы не навести на себя одного только безумия». Таким подвижникам полезнее будет упражняться в безмолвии последнего рода, так как и оно, хотя не в такой мере, как отшельничество, однако же может приводить к желаемой цели.

Если преподобный наш учитель в этой степени старается раскрыть образ жизни безмолвной, уединенной, то единственно для того, чтобы дать о ней какое-то понятие для тех, кто способен проходить ее, а вовсе не в виде побуждения к ней всех подвижников. Напротив, он даже боится много любомудрствовать и распространяться об этом роде жизни, чтобы не приняли слов его за призыв к ней каждого инока, и старается уверить, что и для тех, кто в общежитии мужественно подвизается, сплетаются такие же венцы, какие и для живущих в уединении.

«Молитва, – говорит Преподобный, – есть непрестанное действие возношения мыслей гор`е, сообщение и соединение человека с Богом, или восхищение всей нашей души ко Господу»³⁵.

Для того, чтобы наша молитва была богоугодна, надо прежде совершения ее приготовить душу свою приведением в порядок и настроением к благоговению всех ее способностей, как и премудрый советует: «прежде, нежели начнешь молиться, приготовь себя, и не будь, как человек, искушающий Господа» (См. [Сир. 18:23](#)).

Явившись же и представ лицу Божию, мы должны стоять пред Ним с благоговением и душою, свободно от всех посторонних забот и помыслов³⁶, помня: если тот, кто законному Царю предстоя, отвратит лице свое от своего Государя и начнет разговаривать с его врагами, бывает ему ненавистен, так и Богу противен тот молитвенник, который при молитве занимается помыслами, и особенно помыслами нечистыми; с сокрушением, трепетом и незлобием сердца, как преступники пред праведным Судиею, Который милует только милующего; с сыновним дерзновением, как пред Отцем милосердным, которое, однако ж, не должно выходить из границ, но должно быть умеряемо смирением.

Предметом нашей молитвы должно быть или славословие и благодарение Богу за Его бесчисленные к нам благодеяния, или предложение прошений, прежде всего и более всего о нуждах духовных и потом о нуждах телесных. Постоянным же и главным предметом этих прошений должно быть прошение об оставлении грехов.

При этом нужно соблюдать одно правило благоразумия, предписываемое Преподобным: «Не исчисляй подробно при молитве своей всех телесных пороков, каковы они сами в себе, чтобы тебе самому клеветником не сделаться».

По просьбе другого можно усердно молиться о его спасении даже и тому, кто не стяжал еще дара молитвы. Но и здесь нужно также помнить иноку одно правило благоразумия, указываемое Преподобным: «Опасайся без рассуждения молиться за всякую женщину, чтобы враг не сделал на тебя нападения с другой стороны».

«Хотя бы, – говорит Преподобный, – ты вошел на самый верх лестницы добродетелей,

однако всегда молись об оставлении своих прегрешений, подражая апостолу Павлу, который при всей своей святости почитал себя первым грешником» (См. [1 Тим. 1:15](#)).

Что касается внешних действий молитвы, каковы наружные изъятия телесные, слова и т.п., то они составляют действительную ее принадлежность, как необходимое выражение внутренних благоговейных молитвенных расположений, и вместе с тем являются средствами возбуждения их. Совершать их надо с усердием и неленостно. В частности, в выражении молитв словами Преподобный советует избегать многословия (См. [Сир. 7:14](#)) и красноречия, так как и то, и другое совершенно бесполезно само по себе и может развлекать.

Вообще же молитвою надо заниматься усердно и постоянно (См. [1 Сол. 5:12](#); [Еф. 6:18](#)), пребывать в ней особенно в те счастливые минуты, когда от нее чувствуется некоторое внутреннее услаждение: «Так как, – говорит Преподобный, — в то время вместе с нами молится Ангел-Хранитель» и, может быть, такого времени, столь удобного к прощению грехов наших, в другой раз во всю жизнь свою не получим. Непозволительно отлагать молитву из-за какого-нибудь обыкновенного дела, это можно позволить разве только ради отправления нужнейших духовных дел. Непростительно не только совсем оставлять молитву, но и немного ослаблять ее, даже в тех случаях, когда, молясь долгое время, прошения своего не получаем (См. [Кол. 4:2](#)). «Впрочем, — заключает Преподобный, – молитве нельзя научиться из книг, надо упражняться в ней, и только тогда узнаем ее достоинство».

Степень XXIX

Для полноты духовного обновления подвижнику остается еще содействовать изменению, перерождению своей воли, совершаемому благодатию; вместо воли греховной, всегда преклонной к злу, всегда послушной страстям, стяжать волю святую, бесстрастную, стремящуюся только к тому, «что... истинно, что честно,... что чисто, что только добродетель и похвала» ([Фил. 4:8](#)), а по преимуществу, к высочайшему добру – Самому Богу. Совершение этого преподобный учитель назначает подвигом двадцать девятой степени своей Лествицы.

Сущность этого подвига – бесстрастие – Преподобный объясняет так: «Бесстрастие имеет та душа, которая столь привыкла к добродетелям, сколь развратные люди пристрастились к сластолюбию и роскоши. Не составляется царская диадема из одного драгоценного камня, равным образом и бесстрастие не может быть совершенно, если мы хотя бы одну какую-нибудь добродетель презрим».

Бесстрастный человек уже не сам живет, но живет в нем Христос (См. [Гал. 2:20](#)). «Истинно бесстрастен тот, кто плоть свою от всякого растления очищает, а ум выше всякой твари возносит, чувства же все покоряет разуму, и представляет лицу Божию свою душу, которая всеми силами своими к Нему стремится». Если так, то подвизавшийся подвигом добрым на предыдущих степенях уже достаточно приготовил себя к этому богоподобному бесстрастию.

Почему так? Потому что воля наша до тех только пор зла, до тех только пор склоняется к греховным действиям, пока в сердце еще кроются, а умом оправдываются помышления злые, пока живет в нем порочное, греховное начало. Очистились и освятились они, – святою и благопреклонною станет и наша воля, на всякое дело благое уготованной, так как она есть служебная сила двух первых сил. А предварительными трудами подвижник уже обновил, совершенно исправил их. Потому-то Преподобный и не указывает каких-нибудь особенных средств к стяжанию бесстрастия воли, почитая лучшими к тому средствами предыдущие подвиги.

Степень XXX

Наконец, подвижник уже близ предела своего многотрудного и многоболезненного подвига. Ему остается сделать еще один шаг: лестница духовного совершенства пройдена...

О лестнице, которую Иаков увидел во сне, сказано: «Господь стоит на ней» ([Быт. 28:13](#)), т.е. на самом верху ее. И о нашей лестнице духовных совершенств можно сказать подобное: ее венчает Сам Бог, как высочайший образец нашего совершенства и как последняя цель всех наших трудов (См. [Мф. 5:48](#)). Поэтому вступление на последнюю степень Лествицы есть не что иное, как вступление в приискреннейшее общение с Самим Господом Богом всеми силами души: умом через живую веру, чувством через твердую надежду, волею через пламенную любовь, особенно же через любовь, которая всего более и уподобляет нас Богу (См. [Еф. 5:1—2](#)) и приближает к Нему.

Вот почему высшею мерою христианского совершенства всегда полагается союз веры, надежды и любви, с особенным, однако же, предпочтением последней! Вот почему и преподобный Иоанн на последней степени своей Лествицы указывает подвижнику этот союз, и также с особенным превознесением любви, да будут в ней укоренены и утверждены все подвижники ([Еф. 3:18](#))!

Трудно дать ясное понятие об этих добродетелях тому, кто не обладает ими, чье сердце не проникалось ими, ведение их приобретается собственным духовным опытом каждого. Потому и наш учитель мало распространяется о них. Взаимное тесное отношение между верою, надеждою и любовью Преподобный объясняет отношением, какое находится между лучом солнечным, светом и самым солнцем.

Вера, в смысле познания Бога, стяжается чистотою сердца и любовью.

Надежда есть как бы некоторое уже обогащение невидимым богатством и, прежде получения сокровища, почти уже несомненное обладание им.

Любовь... «Кто кого любит истинно, тот всегда любимую особу воображает и в уме своем с услаждением объемлет, так что и в самом сне она ему представляется. Как случается в вещах телесных, так точно бывает и в духовных». Что касается силы этого святого чувства, какую оно должно иметь в подвижниках в отношении к Богу, то для нее нельзя назначить никаких пределов, любовь к бесконечному Богу должна быть беспредельной. «Не столько мать привержена к своему младенцу, – говорит Преподобный, – сколько сын Божией любви прилепляется к Господу». Любовь – чувство сыновнее, ей чужд страх, чужда ненависть к какому-нибудь из ближних, которые все суть дети Отца небесного, следовательно, нерасположение к ним относится и к Самому Богу и есть выражение недостатка любви к Нему. «Любовь производит дар пророчества и чудотворений. Любовь есть бездна просвещения. Любовь есть огненный источник, который чем более в сердце человеческое втекает, тем большую производит в нем жажду и его воспламеняет. Любовь есть ангельское состояние. Любовь возводит нас к блаженной вечности». Вот почему конец завещания Преподобного «есть любовь от чистого сердца!» (1 Тим. 1:5).

Итак, мы видели путь восхождения к пребывающей и небесной славе, начертанный преподобным игуменом Синайским. Что же сказать в заключение об этой духовной его Лестнице? С полным убеждением можем повторить и здесь то, что сказано нами еще в начале нашего разбора.

Чего желал, что надеялся получить преподобный игумен Раифский от творения преподобного Иоанна Лествичника, все это оно и представляет собой. В нем изложено все нужное для жизни иноческой, и не только для иноческой, но и вообще для ищущих спасения. В нем заключаются правила, которые указывают истинный путь ко спасению и которые желающих восходить к вратам небесным, словно лестницей, без сомнения, туда возводят. Эта книга для иноков драгоценная и для мирян глубоко назидательная и многополезная.

Остается только пожелать, чтобы это прекрасное произведение духовной опытности преподобного мужа нашло себе как можно более почитателей, чтобы как можно более нашлось людей, которые бы по его чудной Лестнице со всем усердием и тщанием полагали восхождения в сердце своем и достигали «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:13) во спасение свое и во славу Отца и Сына и Святого Духа.

Приложение Что необходимо для спасения? Из записок в Бозе почившего афонского иеромонаха Арсения

1. Иметь твердую православную веру, как учит мать наша Святая Церковь: никаким расколам и ересям не следовать, ибо оные приводят к гибели.

2. Чаще посещать храм Божий и с усердием молиться, помнить, где стоим и зачем пришли. Крестное знамение полагать на себя правильно. Если кто в храме Господнем стоит небрежно и всякое Божие дело совершает нерадиво, таковой наводит на себя гнев Божий, по сказанному в Священном Писании: проклят всяк творящий дело Господне с небрежением. Подобно сему, гневу Божию подлежат и те, кои в своих делах не на Бога надеются, а на себя или на людей: сердце их, как говорит [Священное Писание](#), отступило от Господа.

3. Посты или постные дни строго наблюдать и всего более опасаться и воздерживаться от неумеренного употребления горячих напитков и происходящей от них блудной страсти, чрез что много людей погибает. Таковые, без покаяния умершие, вечно будут гореть в геенне огненной, где будет плач и скрежет зубов.

4. Каждый год должно говеть в [Великий пост](#), а кто может, то и в прочие посты должно говеть, – это большая помощь к спасению души и неоцененный дар Божий.

5. Иметь со всеми любовь, жить в мире и согласии, а с кем кто находится во вражде, то молитву таковых не приемлет Бог. Если бы ты и не виноват был, но первый поспеши примириться, и за это от Бога получишь награду, по слову Св. Евангелия: «блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся» ([Мф.](#) 5:9). Если кто не имеет любви к ближним, то ни посты его, ни молитвы, и ничто не угодно Господу.

6. Никого не осуждать, а себя считать хуже и грешнее всех, никому ни в чем не завидовать, родителей своих и всех старших почитать. Кого видим грешащего, сожалеть о нем и помолиться Богу за него, а не осуждать. Кто кого осуждает, тот грехи его на себя возлагает.

7. Чужого не брать и не желать, а своим делиться с неимущим по силе своей. Дающего рука не оскудеет — сказано в Священном Писании.

8. Не божиться, не лгать, не клеветать, не празднословить, не кощунствовать, – это ведет к пагубе души. Снам, ворожбам и разным приметам не верить, – все это бесовские козни.

9. Посещать и утешать больных и скорбных, удерживать от гибели заблудших, пьяниц и распутников вразумлять, что они вечно будут гореть в огне геенском. Если кто погибающего наставит на путь спасения, то таковому великая награда в этом и будущем веке.

10. Чаще помнить смертный час и просить Бога даровать христианскую кончину, ибо за гробом нет покаяния; здесь должно слезно каяться, умолять Бога, пока есть время, не надеяться ни на какие дела свои, а на единое милосердие Божие, ибо без Бога мы не можем сами ни одной добродетели совершить. Если что делаем доброе, но относим оное к себе, к своему старанию, то уподобляемся тогда упоминаемому в святом Евангелии фарисею. Должно все доброе, сделанное нами, относить к Богу.

11. Чаще и усерднее со слезами молиться Богу, просить прощения грехов своих, каждый час читать про себя молитву «Богородице Дево, радуйся!» до конца и каждый день, назначив себе время удобное, обдумывать жизнь свою: каково живем, и смертный час приводить себе на память – ибо неизвестно, когда постигнет человека оный час – и

быть к нему готовым каждый день. Кто будет все это исполнять, то спасет душу свою.

Примечания

Чтение ее положено в церкви на утренях и часах в простые дни святой Четыредесятницы. См. Устав церковный в главе о святой Четыредесятнице.

Памяти его посвящено четвертое воскресение святой Четыредесятницы.

Кроме того, что можно выбрать из самых сочинений преподобного Иоанна касательно истории его жизни, два писателя, современных ему, также оставили нам сведения о нем. Один из них – инок синайский, живший в его время и писавший как очевидец (составленное им жизнеописание св.Иоанна помещено в книге *Vie des Pères des dé'serts d'Orient, par le R.P. Michel. — Paris: Ange Marin, 1824. T.V.*). Другой – инок раифский, писавший спустя немного времени после смерти святого на основании свидетельств лиц, которые хорошо знали его. Поэтому в своем сказании, которое помещено в начале Лествицы, он говорит следующее: «Все те, которые имели счастье слушать этого великого человека, из коих есть много поставленных им на путь спасения и доселе шествующих по нему, все те могут засвидетельствовать истину этого рассказа». Особенно же ссылается он на монаха Исаака, которого св.Иоанн избавил своими молитвами от многих искушений, и на авву Иоанна, игумена Раифского, который побудил св.Иоанна написать Лествицу, как свидетелей наиболее знаменитых и по своей близости к преподобному наиболее достойных доверия. Значит, сказания этих двух жизнеописателей игумена Синайского являются наиболее достоверными. Жаль только, что они кратки.

В Четьи-Минеи в конце жития Преподобного (30 Марта) говорится, что некоторые признают Иоанна сыном преподобного Ксенофонта и братом Георгия Арселаита. Догадка эта не объясняет происхождения преподобного Иоанна. Он не мог быть родным братом Георгия Арселаитского, которого сам называет святым старцем, наставлявшим его на пустынное житие и учившим его безмолвию (Лествица). Между тем известно, что Георгий был младшим братом св. Иоанна и находился у него в послушании.

Схоластиками в древности назывались риторы, законоведы или вообще люди ученые.

Время рождения Преподобного, также как и другие обстоятельства его происхождения, неизвестно. Думают однако же, что он родился около 325 года, в царствование Юстина I.

Историк Прокопий, говоря об этих святых иноках по поводу одной церкви, построенной для них Императором Юстинианом во имя Пресвятой Богородицы, отзывается о них с большой похвалой. В стране, которая прежде называлась Аравией, а теперь называется Третьей Палестиной, говорит он, есть обширная пустыня, безводная и лишенная плодоносных растений. В этой пустыне, недалеко от Чермного моря, одиноко возвышается гора по имени Синай, на которую очень трудно восходить. На ней живут пустыnnики, которые проводят жизнь свою в суровых трудах, подвигах покаяния и непрестанном памятовании смерти. Более всего заботятся они о снискании духа совершенной нестяжательности, об умерщвлении тела и об удалении от себя привязанности ко всему тленному и преходящему. На горе Синай беспрепятственно наслаждаются они глубоким уединением, которым дорожат более всего в мире. Император Юстиниан, не находя, что бы сделать для них, потому что они ничего не желали, более всего заботясь о снискании духа совершенной нестяжательности, об умерщвлении тела и об удалении от себя привязанности ко всему тленному и преходящему, построил для них храм во имя Пресвятой Богородицы, чтобы они возносили в нем свои молитвы и совершали Таинства.

Житие преподобного Иоанна, помещаемое в Лествице.

Так назван потому, что был учеником св.Саввы.

Лествица. Степень 27.

Житие преподобного Иоанна, помещаемое в Лествице.

Степень 7.

Там же.

Степени 26 и 29.

Житие преподобного Иоанна, помещаемое в Лествице.

Житие преподобного Иоанна.

Степени 4 и 5.

См. Степень 27.

См. Степени 1 и 2.

Степень 1.

Житие преподобного Иоанна.

Vies des P'eres des d'eserts. d'Orient. T.V. P.27.

Ibid. P.28.

См. Житие преподобного Иоанна.

См. Послание преподобного Иоанна, игумена Раифского, помещенное в начале Лествицы.

См.Ответ преподобного Лествичника Иоанну Раифскому в начале Лествицы.

«Да труждаемся в молодости своей ревностно, да течем трезвенно, ибо неизвестен год смерти. Никто, будучи юн, да не внемлет подобным внушениям: не изнуряй своей плоти, чтобы не впасть тебе в недуги и немощи, — ибо едва ли кто, особенно же в эти годы, умертвит свою плоть, хотя бы и лишился многих и сладких снедей».

«Впрочем, преподобный Иоанн замечает, что какая бы цель этого благочестивого подвига ни предлагалась, благой наш Подвигоположник приемлет его. Не должно гнушаться и порицать и тех, которые по некоторым несчастным обстоятельствам были вынуждены отречься от мира. «Ибо видел я, – говорит он, – семя нечаянно на землю упавшее, и плод обильный и благоцветный принесшее. Многим нечаянно случившееся послужило к большей пользе, нежели если бы они делали то с намерением, и по произволу.»

Да течем с радостью к благому подвигу, не смущаясь и не устрашаясь врагов своих, взирающих на лицо наше, хотя они и невидимы сами.

«Всеми силами старайся сохранить эту святую и радостотворную печаль, происходящую от блаженного умиления, и до тех пор в нее не переставай погружаться, пока она тебя не сделает победителем над всеми мирскими искушениями и представит чистым Христу!»

«Ничто так не противостоит кающимся, как их собственная возмутительная ярость, поскольку исправление нравов требует многого смиренномудрия».

См. об этом: [Иоанн Кассиан Римлянин](#). О восьми порочных помыслах. *Христианское чтение*, 1839.

«Да упражняемся, – говорит Преподобный, – в молитвах и прошениях до тех пор, пока Божиим содействием, чрез смиренные и уничиженные свои упражнения, не освободим ладьи души своей из всегда свирепеющего морягордости».

Для примера можно указать на следующие рассуждения Преподобного: «Во всех твоих предприятиях и поступках, как послушнических, так и других, как наружных, так и внутренних, держись такого правила, – соответствуют ли они Божью намерению или нет? Как это можно узнать? Например, если мы, при вступлении в иночество, начнем упражняться в каком-либо деле, и если, несмотря на то, не будем ощущать в себе смирения в большей мере, чем имели его прежде, то, кажется, такое дело с волею Божиею несогласно, малое ли то будет дело или великое». «Малая искра целый лес сожигает; так – малое послабление весь труд твой портит». «Иноческая жизнь, как в отношении к делам, так и в отношении к словам, к помышлениям и движениям душевным, от искреннего сердца должна быть провождаема». «Ибо если благого произволения положено не будет, то дела добрые воспоследовать не могут».

«Какое благо, – восклицает Преподобный в другом месте, – какое благо может быть выше, чем прилепиться ко Господу (разумея здесь именно молитву) и пребывать с Ним в неразрывном союзе?!»

Правило это нарушается и молитва наша бывает богопротивна и служит нам в грех:

1) когда во время нашего предстояния Богу воображаются в нашем уме непристойные мечтания; 2) когда мысль бесчувственно всюду бродит; 3) когда какое-нибудь постороннее мечтание входит в душу и 4) когда предаемся суетным заботам.